

Содержание:

Image not found or type unknown

Введение

Господство одних людей над другими как общественное состояние насчитывает не одну тысячу лет. Несколько моложе как историческое явление создание специального аппарата, призванного организовывать, закреплять и поддерживать такое господство, - государства. "Это экстраординарное изобретение оказалось самой ранней рабочей моделью всех позднейших сложных машин, хотя детали из плоти и крови постепенно заменялись в ней более надежными механическими деталями... Понять происхождение мегамшины (господства, - В.Д.) и ее наследие - означает бросить новый свет как на происхождение нашей современной сверхмеханизированной культуры, так и на судьбу и участь современного человека", - писал американский историк Л.Мэмфорд¹.

Механизмы господства развивались и "совершенствовались" на протяжении истории развития человечества. До Американской и Французской революций автократические и авторитарные системы полностью преобладали в мире, с конца XVIII в. они существовали бок о бок с демократическими моделями властной организации. Но лишь в XX в. появился особый вид господства, отличный как от авторитарных режимов, так и от распространявшихся форм представительной демократии. Эта структура правления получила название "тоталитаризма".

Среди историков и политологов продолжают споры о том, можно ли вести речь о тоталитаризме как типическом понятии, допустимо ли пользоваться им и какое содержание вкладывать в сам термин. Одни вообще отрицают его обоснованность, ссылаясь на существенные различия между режимами, которые принято относить к тоталитарным.² Другие истолковывают его, главным образом, политологически, рассматривая тоталитаризм как тип власти, находящийся на противоположном полюсе от либеральной демократии и характеризуемый, в первую очередь, господством одной массовой партии во главе с харизматическим лидером, унитарной идеологией, монополией массовой информации, монополией на вооружения, террористическим полицейским контролем, централизованным

контролем над экономикой.³ Именно в данном виде понятие было предельно политизировано, превратившись, в конечном счете, в один из инструментов "холодной войны".

Отметим, что идеологи самих тоталитарных режимов могли вообще отрицать принадлежность своей власти к тоталитарным системам (как это было в СССР) или, напротив, открыто провозглашать ее таковой и даже пытаться определить основные черты такой формы господства. Известно высказывание лидера итальянского фашизма Б.Муссолини: "...Для фашиста все в государстве, и ничто человеческое или духовное не существует и тем более не имеет ценности вне государства. В этом смысле фашизм тоталитарен, и фашистское государство как синтез и единство всех ценностей истолковывает и развивает всю народную жизнь, а также усиливает ее ритм". Таким образом, теоретики и создатели тоталитарных режимов сами обратили внимание на одну из главных характерных черт феномена, на которой делали упор и анархистские критики государственных диктатур: указанные режимы представляли собой крайнюю форму выражения этатистских тенденций, господства государства над обществом. По существу, поглощение общества государством в идеально-типическом варианте "тоталитаризма" и означает модель "тотального", то есть всеобъемлющего, всеохватывающего государства, которое полностью растворяет общество в себе. В отличие от традиционного авторитаризма, который допускает существование подчиненных ему и интегрированных в общую вертикаль общественных единиц (общин, союзов, ассоциаций) внутри системы, тоталитарная власть, опираясь на стимулируемую им самими массовую "инициативу", осознанно пытается уничтожить любые неформализованные, горизонтальные связи между атомизируемыми индивидами и не допустить никаких автономных образований или свободных пространств. Государство в этом случае мыслится как регулятор или даже заменитель всех социальных взаимоотношений, вплоть до самых интимных.

Особый вклад в изучение данного феномена в XX веке внесла традиция, в той или иной степени близкая к критическому марксизму. Историки и политологи этого направления сосредоточили свое внимание на социальных и исторических и психологических корнях тоталитарности, на связи ее с разрушением традиционных общественных связей, возникновением так называемого "массового общества", со становлением и развитием современной индустриально-капиталистической и рационалистической цивилизации вообще, с процессами общественной и экономической модернизации. Они показали, что тоталитарные режимы нельзя воспринимать в отрыве от исторического развития и общественной "среды", что

они не отделены непреодолимым барьером от авторитарных или демократических систем правления, но вырастают или возвращаются в них, связаны с ними в ходе своей эволюции многочисленными нитями, что даже в самых демократических режимах в XX веке можно обнаружить тоталитарные "семена". По существу, исследователи этого направления доказали, что тоталитаризм можно понимать не только в узком, политологическом смысле - как тип власти, режим, но и как тоталитарные тенденции, характерные для современной эпохи. Речь идет о тенденциях развития и "рационализации" механизмов господства. В конкретных исторических обстоятельствах они могут приводить к созданию тоталитарных режимов. В других случаях - если социальная потребность в установлении таких форм управления слаба - они продолжают действовать в рамках демократических обществ, поскольку "эпоха склонна к тоталитарности даже там, где она не произвела на свет тоталитарных государств". Тогда эти тенденции проявляются иначе, в косвенной форме, воздействуя на уровне манипулирования информацией, поведенческими стимулами, мотивами, потребностями, системой ценностной ориентации и т.д.

Рабочее движение между сопротивлением тоталитарным тенденциям и авторитаризмом

Рабочее движение возникло в XIX в. как сила, оппозиционная государству и индустриальной системе, противостоящая этатистскому национализму. Однако положение наемного работника в условиях фабрично-индустриальной системы производства двойственно. С одной стороны, он заинтересован в устранении отношений господства и угнетения. С другой - рабочий находится под сильнейшим воздействием авторитарных производственных структур "фабричного деспотизма", благодаря которым он получает средства к существованию. Поэтому социальное и личностное освобождение трудящихся не может быть автоматическим следствием развития процессов капитализма, а требует сознательных действий по созданию альтернативной модели общества.

Движение складывалось на основе самоорганизации, солидарности и взаимной помощи. Его основной формой стали профессиональные союзы (синдикаты, тред-юнионы), созданные для защиты непосредственных (прежде всего, экономических) интересов наемных работников. В начале XX в. в них состояли миллионы людей. Часть союзов находилась под влиянием антиавторитарных течений, выразивших самоуправленческий потенциал рабочего движения - таких, как революционный

синдикализм и анархо-синдикализм. Но по мере того, как индустриалистский рационализм все больше пронизывал мир труда, пробивало себе дорогу другое направление, стремившееся к интеграции масс в систему индустриального общества. Его опорой стали марксистские, социал-демократические партии, насчитывавшие до нескольких сотен тысяч членов и контролировавшие большинство профобъединений трудящихся.

Марксизм как система идей с самого начала сочетал в себе антиавторитарные и авторитарные черты. Если последователи Бакунина в I Интернационале полагали, что освободительная цель общественного самоуправления не может быть достигнута этатистскими средствами, то сторонники Маркса утверждали, что к ней можно придти только через развитие производительных сил, завоевание политической власти и создание на переходный период государства "диктатуры пролетариата". С развитием индустриальной системы авторитарные стороны марксистского социализма усиливались. Многие теоретики и практики II Интернационала, объединившие марксистские партии, все более отодвигали в будущее цель освобождения человека, придавали ей все меньшее значение, считая основной задачей то, что прежде рассматривалось как средства перехода. Они следовали единой схеме общественного развития, заменив идею самоорганизованной человеческой практики теорией необходимого, не зависящего от воли людей действия социальных законов ("экономический детерминизм"). Еще Энгельс обосновывал авторитаризм революционной организации деспотизмом фабрично-индустриальной системы и авторитарностью самой революции. Лидеры II Интернационала, понимая прогресс прежде всего как развитие производительных сил, объявили организующую и "дисциплинирующую" рабочую роль капитализма предпосылкой социализма, призывали учиться у американских трестов в деле реорганизации и концентрации производства.

Если активисты I Интернационала воспринимали его секции и группы как ячейки будущего общества и органы социалистического преобразования экономики, то социал-демократические партии строились как инструмент завоевания политической власти в государстве, "внесения" нового сознания в рабочий класс и реорганизации социальной системы через новую машину принуждения. Такая ориентация предполагала перестройку всей работы движения, создание аппарата профессиональных функционеров. В партиях II Интернационала и находившихся под их влиянием профсоюзах формировалась иерархия бюрократии, которая заявляла, что представляет интересы трудящихся, но все больше действовала в своих собственных политических интересах. Многие из этих чиновников

становились одновременно депутатами парламентов, что еще более привязывало их к государственному механизму.

Социал-демократическая теория выдвигала задачу обобществления производства с помощью политической власти, завоеванной рабочим классом. Таким образом, она требовала прежде всего перехода экономики под контроль государства, ее национализации и этатизации. Большинство марксистов конца XIX - начала XX вв. понимали социалистическое общество как единую индустриальную фабрику, но не находящуюся в руках капитала, а подчиненную централизованному механизму, который выражал бы интересы всего общества. И если для левого, революционного крыла социал-демократии речь по-прежнему шла о новом, "пролетарском" государстве, то ее правые лидеры все больше склонялись к сотрудничеству с существующими режимами, к уступкам национализму и милитаризму.

Руководимое ими "движение постепенно интегрировалась в структуру национального государства и сознательно или неосознанно помогало... политике правительств. Происходило... вращение в мир идей старого общества, обусловленное практической деятельностью рабочих партий и неизбежно влиявшее на духовный настрой их политических представителей, - отметил немецкий анархо-синдикалист Р. Роккер. - Те самые партии, которые выступили вначале, чтобы под флагом социализма завладеть политической властью, под давлением железной логики обстоятельств вынуждены были шаг за шагом жертвовать своими социалистическими принципами в пользу национальной политики государств".

В то же самое время, социал-демократическое рабочее движение перестало отстаивать право трудящихся суверенно распоряжаться рабочим временем, контролировать процесс своего труда и определять его смысл и результаты. Все это было принесено в жертву интересам развития производства, которые, в свою очередь, требовали ее деспотической индустриально организации и централизованного "компетентного" руководства. Предполагалось, что все это будет способствовать общему росту благосостояния и социальным реформам. Из фактора сопротивления индустриальной системе с ее тоталитарными тенденциями значительная часть рабочего движения пришла к тому, чтобы отстаивать индустриальную модернизацию еще более непреклонно и фанатично, чем это делали правящие классы.

Начало первой мировой войны стало кульминацией в нарастании национализма и этатизма в капиталистической Европе. Большинство профсоюзов и

социалистических партий капитулировали перед ними.

Рабочее и социалистическое движение не смогло остановить тенденции к тотальной организации производственной и политической жизни, постепенно распространявшиеся в Европе. Из силы, противостоявшей индустриально-капиталистической модернизации, оно в значительной мере превратилось в силу, занявшую место на ее "левом" крыле.

Установление фашистских тоталитарных режимов в Италии и Германии

Мировая война вызвала дальнейшее резкое усиление этатистских и националистических тенденций. С целью концентрации сил для эффективного ведения боевых действий государство в воюющих странах активно вмешивалось в новые для него сферы, устанавливало в той или иной мере контроль над производством и распределением товаров, регулировало политическую и общественную жизнь. Складывалась государственно-монополистическая военная экономика. Особенно далеко зашел этот процесс в Германии: возникшая там структура получила даже название "государственного социализма" и сыграла роль своеобразного примера.²⁰ Аналогичные шаги были в той или иной степени предприняты и в других воюющих странах. Хотя эти меры считались чрезвычайными, многим они казались уже предвестием нового общественного устройства, где с помощью государства будут, как полагал, например, крупнейший немецкий промышленник и политик В. Ратенау, гармонизированы экономические отношения и обеспечено взаимодействие труда и капитала. Эти идеи проникали и в рабочие социалистические партии.

Националистический угар, сопровождавший начало мировой войны, сопровождался уже чисто тоталитарной реакцией одурманенных масс. Подготовленная десятилетиями пропаганды "сверху" волна массового шовинизма захлестнула европейские страны и, в свою очередь, использовалась правящими кругами для легитимации войны. Настроения того времени точно описал русский писатель-эмигрант М.Агеев устами героя своего романа: "Я еще хорошо помнил, как в первые дни объявления войны я был очень взволнован, и что волнение это было чрезвычайно приятным, молодецким и, пожалуй, даже просто радостным. Целый день я ходил по улицам, нераздельно смыкаясь с... праздной толпой, и вместе с этой толпой очень много кричал и очень громко ругал немцев. Но ругал я немцев

не потому, что ненавидел их, а потому только, что моя ругань и брань были тем гвоздем, который, чем больше я его надавливал, тем глубже давал мне почувствовать эту в высшей мере приятную общность с окружающей меня толпой"

Активное участие в разгоревшемся мировом пожаре приняли националистические движения. В ряде стран они сыграли даже решающую роль во втягивании в конфликт. В Италии националисты, футуристы, шовинистически настроенная часть социалистов и синдикалистов вместе со сторонниками "демократической" Антанты потребовали объявления войны центральным державам, организовали антиавстрийские и антинемецкие выступления. Все они сомкнулись в общем потоке сторонников войны - "интервенционистском движении". Его вождем стал один из бывших лидеров Итальянской социалистической партии Б. Муссолини, исключенный из ее рядов за призывы к войне. Как политик, он, подобно многим другим молодым социалистам и синдикалистам, сформировался под влиянием пестрой смеси идей Ж. Сореля, Ф. Ницше, К. Каутского и Э. Бернштейна, в те годы распространенных в социалистических кругах. Представления о том, что конечная освободительная цель социализма и этические ценности не важны, что движение несознательных масс должно руководиться элитарным авангардом, о роли мифов - инструментов стимулирования действий людей, о волевых и сильных личностях-вождях как двигателях истории, о сильном государстве и насилии как самоцели соединились у него с воинствующим национализмом и футуристической апологетикой индустриализма. На этой почве зарождались идеи будущего итальянского фашизма.

15 ноября 1914 г. Муссолини начал выпускать газету "Пололо д'Италия", которую объявил "социалистической". Он заявлял, что вступление Италии в войну повлечет за собой национальную и социальную революцию. Вскоре он возглавил новое движение сторонников войны - "фаши революционного действия". Члены фаши, футуристы и националисты проводили бурные провоенные манифестации, которые в мае 1915 г. вылились в волну погромов, направленных против граждан Австро-Венгрии и Германии и сторонников сохранения нейтралитета страны ("радужные дни"), в нападение на парламент. В итоге им удалось втянуть Италию в войну, вопреки воле большинства населения и политиков. В последствии фашисты считали это исходным моментом своего движения, своего рода "генеральной репетицией" террора начала 1920-х гг. Муссолини сделал ставку на фронтовиков. Он рассчитывал, что те, вернувшись с войны, не впишутся в мирную жизнь, обнаружат, что место под солнцем занято "тыловыми крысами", за которых они "проливали кровь", и - поскольку интернациональный социализм терпит крах -

станут носителями "антимарксистского и национального социализма", сводящего воедино класс и нацию. С другой стороны, будущие фашисты намеревались представлять интересы "производителей" как корпоративной категории, включающей не только трудящихся, но и "производящий" капитал.

Мировая война, невиданная до тех пор по своим масштабам и жестокостям, вызвала глубокий кризис норм и ценностей в европейском обществе. Были отброшены моральные ограничения; пересмотрены привычные человеческие представления, прежде всего о ценности человеческой жизни. Люди, вернувшиеся с войны, действительно никак не могли обрести себя в мирной жизни, от которой успели отвыкнуть. Настоящим шоком для послевоенного обывателя была революционная волна, охватившая в 1917 - 1921 гг. Россию, Финляндию, Германию, Австрию, Венгрию, Италию и другие европейские страны. Угроза экспроприации частной собственности напугала мелких собственников ничуть не меньше, чем крупных. Они воспринимали классовые выступления трудящихся как всеразрушающий и ужасный бунт рабов, тем более возмутительный, что под вопросом оказались их пусть тающие, но ревниво отстаиваемые привилегии. Социализм и интернационализм были открытым отрицанием привычных норм и добродетелей. Казалось, что с революцией и идеей самоуправления Советов осуществилась старая мечта анархистов и революционных социалистов - уничтожение государства. В то же время радикализм революционных массовых действий импонировал мелкой буржуазии, поскольку показывал действенный путь отстаивания своих интересов.

Экономический кризис 1919 - 1921 гг. в Италии больно ударил по мелким предпринимателям, торговцам, лавочникам, крестьянам, служащим. Если рабочие, объединенные в профсоюзы, вплоть до конца 1920 г. еще могли добиваться от предпринимателей уступок, смягчая воздействие кризиса, то низшие, полудеклассированные слои мелкой буржуазии, решительно настроенные молодые фронтовики ("ардити") были экономически незащищены. Они требовали наведения порядка. Ненужность и изолированность "маленького человека" в мирном обществе противопоставлялась военному боевому товариществу и походям на него нравам групп фаши. Идеализация войны была тем более характерной для многих бывших солдат в Италии, что националистическая агитация умело внушала им: массы ничего не получили в обмен на приложенные ими усилия и понесенные ими жертвы, потому что у Италии была "украдена победа" при переделе мира. Материальные и психологические трудности стимулировали ощущение "национального унижения" и возмущения демократией, неспособной установить

порядок в экономике, обеспечить Италии место под солнцем, покончить со спекуляцией нуворишей, с коррупцией и грызней политиканов. Все это побуждало молодых радикалов из мелкобуржуазной среды искать какой-то новый выход, отвечающий их нуждам и чаяниям.

В таких условиях возник итальянский фашизм. 23 марта 1919 г. Муссолини созвал в Милане съезд бывших фронтовиков, на котором было провозглашено рождение фашистского движения - одновременно аристократического и демократического, консервативного и прогрессистского, легального и нелегального. Отряды и группы фаши создавались возникать по всей стране. Всего через три недели, 15 апреля расстрелом левой демонстрации и разрушением редакции социалистической газеты "Аванти" фашисты по существу развязали гражданскую войну.

В Германии поражение в войне разрушило привычную психологическую опору обывателя - чувство сопричастности великой империи, монархии Гогенцоллернов, которую он считал своей. Германский "верноподданный" остался без государя. Распространилось ощущение "национального унижения" страны, "не побежденной на поле боя", а, значит, преданной. Послевоенный экономический кризис и инфляция вызвали массовое обнищание мелких и средних собственников, подрывали ценности семьи, предпринимательской этики, бережливого стяжания. Веймарскую республику многие считали делом изменников, слишком слабой, коррумпированной и бездарной, неспособной разрешить экономические и политические проблемы. Именно на первые годы после войны приходится всплеск фашистских движений.

Организованный при обществе "Туле" политико-пропагандистский филиал ("Свободный немецкий комитет борьбы за немецкий мир") и "Политический рабочий кружок", созданный слесарем А. Дрекслером, объединились в январе 1919 г. в "Немецкую рабочую партию". Затем она была переименована в "Национал-социалистическую немецкую рабочую партию". Позже в нее влились представители армейских кругов (рейхсвера), в их числе А. Гитлер и будущий вождь штурмовиков Э. Рэм.

Нацистская партия была в тот период не единственной группировкой германских ультраправых, вынужденных реформировать свои ряды после падения монархии. Создатель "Антибольшевистской лиги" Э. Штадтлер пытался в 1918 - 1919 гг. организовать массовое фашистское движение под лозунгом "рабочих советов" и борьбы с "хищническим капиталом", надеясь стать "немецким Муссолини".

Традиционные консерваторы-монархисты объединились в Немецко-национальную народную партию, к которой примкнули многие "ф±лькише". Активизировались консерваторы-"обновленцы", сторонники "прусского" или "немецкого социализма". В концепциях теоретиков обновленного и радикализованного консерватизма 1920-х гг. получили развитие идеи, воспринятые затем фашистами: социал-дарвинистское представление о людях и о нациях как хищных зверях, о модели антилиберального и всемогущего государства, растворяющего в себе индивида (О. Шпенглер), о "консервативной революции" - пути перехода к новому социуму, о немецкой "пролетарской нации", об "освобождении" трудящихся посредством внешней экспансии, о сословно-корпоративном государстве под управлением правящей элиты (А. М±ллер ван ден Брук, Э. Юнгер). Группа вокруг журнала "Ди Тат" (Г. Церер) агитировала против крупного капитала, за новое "народное сообщество" во главе с единовластным вождем. Действовали многочисленные военизированные общества, отряды нелегального "черного рейхсвера". В идеологическом отношении их взгляды колебались между монархизмом и фашизмом, а тактика включала террор и подготовку вооруженного захвата власти. В 1923 г. ультраправые группы во главе с нацистами подняли мятеж в Мюнхене ("пивной путч" Гитлера - Людендорфа), но он был быстро подавлен.

Экономическая стабилизация после 1923 г. пробудила в мелкобуржуазных слоях новые надежды и способствовала временному спаду влияния ультраправых, но "великий кризис" 1929 - 1932 гг. вновь вверг многих в отчаяние. Поддержка нацистов в Германии стала стремительно расти: на парламентских выборах 1928 г. их партия получила всего 2,6% голосов, в 1930 г. - уже 18,3%, в июле 1932 г. - 34,7 % голосов избирателей.

Почему же люди становились участниками фашистского движения?

Психологические мотивы, которыми они руководствовались, сформировались прежде всего под влиянием распада устоявшихся общественных отношений. В эпоху господства гигантских концернов и бюрократических структур окончательно складывалось из разрозненных индивидов так называемое "массовое общество" с аморфной социальной структурой. Если прежде человек был в значительной мере растворен в системе традиционных групповых, местных, религиозных и иных связей, то теперь он оказывался один на один с миром и потому ощущал утрату своего места в социуме, потерю самого смысла существования. "Ему угрожают мощные силы, стоящие над личностью, капитал и рынок. Его отношения с братьями, в каждом из которых он видит возможного конкурента, приобрели характер отчужденности и враждебности... Человек подавлен ощущением своей

ничтожности и беспомощности".

Люди по-разному реагируют на разрушение привычных социальных взаимоотношений, в том числе и деструктивно. Человек может искать замену исчезающим связям, некую внешнюю силу (псевдосообщество) в виде государства, нации, движения, вождя или идеи, с которыми он мог бы себя идентифицировать. Таковую реакцию самоотречения известный психоаналитик Э. Фромм характеризовал как "садо-мазохистскую", поскольку она соединяет в себе стремления господствовать над более слабыми и рабски покоряться высшим и сильным. Все это может сопровождаться специфическим бунтарством, однако направленным не против господства как такового, а на подчинение новой, более сильной власти, иррациональной воле или "естественному закону". Другой тип агрессивной реакции - разрушительность, нацеленная уже не на подчинение, а на уничтожение объекта как части мира, в котором человек чувствует себя одиноким и униженным. Возможна также реакция "автоматизирующего конформизма", превращения человека в запрограммированную машину, действующую по общепринятым стандартам и шаблонам, по предписанным ему нормам, но с сохранением иллюзии, что решения принимаются им самим, свободно. В результате подавляется способность к критическому мышлению и действию, а страх, одиночество и бессилие вытесняются ценой роботизации личности и ее растворения в массе.

По оценке Э. Фромма, все эти типы реакции сыграли свою роль в возникновении фашистских движений и в приходе фашизма к власти. Они проявились особенно резко среди радикальной части мелких предпринимателей и торговцев, лавочников, ремесленников, служащих, которые и составили основную социальную базу фашистских движений. Воспитание и быт этих слоев населения способствовали распространению таких деструктивных настроений, как преклонение перед силой, ограниченность кругозора, враждебность к непонятному (фобия), скупость и зависть, стремление повиноваться.

В 1920-е - 1930-е гг. в ряде индустриальных стран среди широких слоев мелких и средних собственников, разочарованных в беспрепятственной капиталистической конкуренции и в способности буржуазно-демократического государства обеспечить им благосостояние, стабильность и приемлемый социальный статус, распространилась идея создания нового государства, которое защищало бы их классовые интересы. Крупная буржуазия заботилась только о своих сверхприбылях, ее государство воспринималось как чуждая "плутократия". С другой стороны, государственно-социалистические течения (социал-демократы и большевики-коммунисты) провозглашали и, казалось, начали осуществлять идею

нового, рабочего государства. В такой ситуации лидеры мелкобуржуазной массы сочли, что единственная возможность решить ее проблемы это установить свою собственную власть, действительно сильную, национальную, соответствующую их взглядам и интересам. Такова была провозглашаемая цель фашизма - тоталитарного по своей структуре движения с тоталитарной идеологией, стремящегося насильственно осуществить свои идеи с помощью тоталитарного государственного режима.

Фашистские лозунги, направленные против господства крупного капитала, находили наибольший отклик именно в среде мелких предпринимателей, торговцев, лавочников, ремесленников и служащих. Им, бунтовавшим против своих могущественных монополистических конкурентов и банков, импонировали заявления вождей, которые именовали их, "маленьких людей", исполнителями высшей миссии нации, истории и провидения, средоточием воли и активности.

Все это отнюдь не означало, что фашизм антибуржуазен по своей сути. Он следовал капиталистической логике утилитаризма и эгоизма, проповедовал господство над другими. Но мелкий собственник в XX веке не чувствовал себя сильным в одиночку и, оставаясь крайним индивидуалистом в том, что касается его материальных интересов, нуждался в толпе себе подобных, чтобы вместе с ними реализовать свои агрессивные устремления. Высшим выражением его личности становилась тоталитарная структура движения, нации или расы во главе с вождем, которая воплощалась в тотальном государстве. Оберегая частную собственность и частные материальные интересы, такое государство призвано было одновременно "научно" руководить общим развитием, контролировать борьбу всех против всех и тем самым обеспечивать самоутверждение личности обывателя, ее господство над другими. Было бы однако неверно видеть в фашизме чисто мелкобуржуазный феномен или полагать, что авторитарные черты характера и соответствующие реакции и настроения были распространены только в этой социальной среде. Ими было захвачено немало трудящихся, также принявших участие в фашистских движениях. В этом смысле, действительно, "фашизм начинается в отдельно взятом человеке. Авторитет, мертвящее повиновение, централистский принцип - это предварительные условия общей фашизации".

Взаимоотношения, мышление и психология людей в индустриальную эпоху подверглись существенным изменениям. Чудовищное давление, оказываемое на членов общества постоянным напряжением, монотонным трудом, неуверенностью в завтрашнем дне, растущей зависимостью от мощных государственных и экономических структур контроля и подчинения, усилило раздражимость и

скрытую агрессивность, которая легко переводилась в русло расизма и ксенофобии. С другой стороны, массированное воздействие индустрии средств информации и обработки общественного сознания все сильнее навязывало людям определенные нормы и ценности, социальные роли, приучая менять их, как маски, в различных ситуациях, что препятствовало формированию целостных, автономных личностей и разрушало способность к критическому восприятию мира и различных доктрин.

В ходе своеобразного жесткого отбора члены общества с детства привыкали соблюдать те правила мышления и поведения, которые позволяли им выжить в острой повседневной борьбе за существование. Широкое распространение механистических и позитивистских истолкований данных естественных наук и их абсолютизация также способствовали восприятию норм иерархии, господства и капиталистической конкуренции как некоего позитивного факта, как законов природы. В свою очередь, принципы буржуазного общества переносились на мир природы. "Социал-дарвинизм" со свойственными ему взглядами на социальную и биологическую роль человека стал основой идеологии и террористической практики фашизма и национал-социализма. Таким образом, массовое сознание оказалось в значительной мере подготовленным к восприятию тоталитаризма всей предшествующей историей развития капитализма и государства. Но в то же время, ни в Германии, ни в Италии "большинство народа не желало фашизма и выбор ему не принадлежал. Муссолини и Гитлер пришли к власти тогда, когда об этом договорились сравнительно небольшие клики, при чем они следовали соответствующему решению высших хозяйственных кругов, которые пришли к выводу, что фашизм станет выходом из переживаемых ими трудностей".

Либеральная система в Италии была не в состоянии обеспечить успешную внешнюю экспансию и колониальную политику, не могла смягчить неравномерность в развитии отдельных регионов и преодолеть местный и групповой партикуляризм, а без этого было невозможно обеспечить дальнейший прогресс итальянского капитализма и завершение формирования "государства-нации". В этих условиях многие промышленные и финансовые корпорации, а также часть государственного, военного и полицейского аппарата выступили за "сильную власть", хотя бы даже в форме правления фашистов. Они активно финансировали их, попустительствовали погромам. Фашистские кандидаты были включены в правительственные избирательные списки на муниципальных выборах в ноябре 1920 г. и на парламентских в мае 1921 г. Министерскими декретами распускались левые муниципалитеты, до этого атакованные или разгромленные

последователями Муссолини. На местах многие органы власти, армия и полиция открыто содействовали "фаши", помогали им доставать оружие и даже защищали их от рабочего сопротивления. После того, как в октябре 1922 г. власти пошли на уступки трудящимся, в Милане состоялись решающие переговоры между Муссолини и представителями союза промышленников, на которых было согласовано создание нового правительства во главе с фашистами. Затеявая широковежательный "марш на Рим", призванный символизировать установление нового режима, вождь чернорубашечников прекрасно понимал, что ничем не рискует.

Фашистский режим в Италии приобрел четко выраженный тоталитарный характер лишь постепенно. На протяжении 1925-1929 гг. был закреплен примат государства над обществом, установлена монополия фашистской партии, печати и идеологии, создавалась система корпораций. "Вторая фаза развития режима Муссолини на пути к тоталитарному фашизму (1929-1939 гг.) характеризовалась дальнейшей концентрацией государственной власти и ростом ее контроля над экономическими и социальными отношениями, повышением роли фашистской партии в государстве и обществе, ускоренным процессом фашизации масс".

Победа национал-социализма в Германии была связана с очередной волной нарастания этатистских тенденций в послевоенной Европе. Идея сильной разумной власти, казалось, никогда еще не была столь разлита в воздухе, как в этот период. "Дух эпохи" выразил в 1926 г. писатель К. Хиллер, призвавший к "логократии". господству "мудрых" над "незнающим народом". Даже такой далекий от политики интеллигент, как французский архитектор Ле Корбюзье в те годы утверждал, что для реализации его градостроительных планов понадобится сила, сравнимая с абсолютизмом XVII века.

Победа национал-социализма в Германии была связана с очередной волной нарастания этатистских тенденций в послевоенной Европе. Идея сильной разумной власти, казалось, никогда еще не была столь разлита в воздухе, как в этот период. "Дух эпохи" выразил в 1926 г. писатель К. Хиллер, призвавший к "логократии". господству "мудрых" над "незнающим народом". Даже такой далекий от политики интеллигент, как французский архитектор Ле Корбюзье в те годы утверждал, что для реализации его градостроительных планов понадобится сила, сравнимая с абсолютизмом XVII века.

Возрастание роли государства в капиталистических странах в 20-х - 30-х гг. стало результатом происходивших технологических и социальных сдвигов. Начало

широкого внедрения конвейеров и "фордистско-тейлористской" формы организации труда привели к резкому сокращению рабочих мест, массовому обнищанию, падению платежеспособного спроса и "великому кризису". Справиться с этими проблемами в рамках либерально-рыночной системы не удавалось. В условиях "атомизированного" общества государство вынуждено было взять на себя осуществление мер, без которых социум вообще перестал бы существовать как некое целое.

Государственно-административные нормы распространилось не только на сферы повседневной жизни, но и на экономику - посредством системы субсидий, налогов, регулирования цен и зарплат, планирования и даже прямого огосударствления хозяйства. Заменяя собой "общественные и семейные связи солидарности, разрушенные товарными отношениями", государство образовало "необходимые рамки, которые не дают рыночной экономике закончиться коллективной катастрофой".³⁵ Разумеется, фашистский режим был отнюдь не единственной возможной формой такой сильной власти. Но в Германии существовали особые обстоятельства. Веймарская политическая система устраивала крупный капитал вплоть до кризиса 1929 - 1932 гг. Экономические возможности для социального маневрирования и уступок наемным работникам были в значительной мере исчерпаны, и буржуазия прибегла к методам наступления на социальное, правовое и материальное положение трудящихся в попытке выйти из кризиса за их счет. Но такая политика наталкивалась на сопротивление мощных профсоюзов, способных вести забастовочную борьбу в защиту экономических интересов рабочих и служащих. Республиканские правительства, не имевшие с 1930 г. поддержки большинства ни в обществе, ни в парламенте, не обладали достаточной силой и полномочиями, чтобы сломить это противодействие.

Признаки ослабления экономической депрессии в конце 1932 г. не заставили промышленников - сторонников Гитлера сменить курс. К продолжению той же линии их побуждала неравномерность в развитии различных отраслей, огромная безработица, справиться с которыми могли только государственная поддержка хозяйства и планирование, а также попытки части правящих кругов во главе с генералом Шлейхером договориться с профсоюзами. Антипрофсоюзные силы в предпринимательской среде предпочли побудить президента Гинденбурга передать власть фашистским функционерам, которых они считали вполне заслуживающими доверия.³⁶ Таким образом, установление "классических" фашистских тоталитарных режимов произошло в условиях соединения в чрезвычайных условиях экономического и государственно-политического кризиса

двух различных факторов - роста преимущественно фашистских движений и стремления части правящих кругов передать им власть в надежде использовать их в своих целях. Поэтому сам фашистский режим носил в какой-то мере характер компромисса между новыми и старыми властвующими элитами и социальными группами. Партнеры шли на взаимные уступки: фашисты отказывались от обещанных и поддержанных мелкими собственниками мер против крупного капитала. Крупный капитал допускал фашистов к власти и соглашался с мерами жесткого государственного регулирования экономики и трудовых отношений.

Установление тоталитарного режима в России

Российская революция 1917 - 1921 гг. стала началом революционной волны, рожденной первой мировой войной. Большевики, пришедшие к власти в России, отвергли национализм правого крыла социал-демократии. Считая себя авангардом пролетариата, они выступили за создание нового, рабочего государства. Большевики провозглашали в качестве конечной цели построение свободного общества самоуправления, но разделяли социал-демократические представления о пути к нему через централизованное государство, которое должно было работать как монополия, служащая интересам всего общества. При этом они действовали жестко авторитарными методами принуждения "несознательных и колеблющихся" масс, полагая, что строительство социализма возможно только под руководством революционной власти.

Само революционное движение в России несло в себе сильный авторитарный заряд в виде представления об интеллигентском руководстве, сознающем общие интересы и действующим на общее благо. В отделении себя от народа сочетались две стороны, как подметил бывший "легальный марксист" С. Булгаков: "В своем отношении к народу, служение которому своею задачею ставит интеллигенция, она постоянно и неизбежно колеблется между двумя крайностями, - народопоклонничества и духовного аристократизма. Потребность народопоклонничества в той или другой форме (в виде ли старого народничества..., или в новейшей, марксистской форме...) вытекает из самых основ интеллигентской веры. Но из нее же с необходимостью вытекает и противоположное, - высокомерное отношение к народу, как к объекту спасительного воздействия, как к несовершеннолетнему, нуждающемуся в няньке для воспитания к "сознательности", непросвещенному в интеллигентском смысле слова".

Большевистская партия объявляла себя "рабочей", но в действительности была инструментом той части революционно настроенной интеллигенции и средних слоев, которая считала себя элитарным авангардом общественного прогресса и была недовольна "старческим склерозом" царской империи. Ее роль и стремления точно охарактеризовал участник русской революции анархист П.Аршинов: "Этот элемент всегда зарождался и вырастал на почве распада старого строя, старой системы государственности, производимого постоянным движением к свободе поработанных масс. Благодаря своим классовым особенностям, своим претензиям на власть в государстве он в отношении отмирающего политического режима занимал революционную позицию, легко становился вождем поработанного труда, вождем революционных движений масс. Но, организовав революцию, ведя ее под флагом кровных интересов рабочих и крестьян, этот элемент всегда преследовал свои узкогрупповые или сословные интересы и всю революцию стремился использовать в целях утверждения своего господского положения в стране".

До апреля 1917 г. в партии господствовало убеждение, что социализм в России станет возможен только после дальнейшего развития капитализма, путь которому должна была открыть буржуазно-демократическая революция. Большинство лидеров не сразу поддержало мнение В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого о возможности непосредственного "перерастания" такой революции в социалистическую. Но и после этого большевистская теория была не в состоянии убедительно объяснить, как от решения непосредственных задач перейти к осуществлению долгосрочных социалистических целей. С одной стороны, Ленин в брошюре "Государство и революция" описал "диктатуру пролетариата" как постепенное развитие органов территориального и производственного самоуправления при отмирании государства. С другой, он вел речь о власти революционной партии при государственно-капиталистической экономической системе, вдохновленной военным хозяйством кайзеровской Германии - "военным социализмом", который, как показывают ленинские статьи 1917 г., произвел на большевиков огромное впечатление как полная "материальная подготовка социализма".

Социальная революция в России 1917 - 1921 гг. представляла собой мощный подъем движения трудящихся и их самоорганизацию в различных формах (Советов, фабрично-заводских комитетов, профессиональных объединений, коммун, крестьянских комитетов, кооперативов и т. д.), к захвату фабрик, заводов и земли, к социализации производства и другим преобразованиям снизу. После свержения буржуазного Временного правительства в октябре 1917 г. в стране на несколько месяцев установилось своеобразное равновесие сил между трудовыми

массами и новой властью. С одной стороны, действовали органы самоуправления трудящихся, требовавших социализма. С другой, существовало большевистское правительство. Его программа вначале "не предусматривала непосредственной экспроприации капиталистов", предложенные им меры (всеобщее введение рабочего контроля при сохранении частной собственности, национализация банков и земли, постепенное огосударствление монополизированных отраслей при сохранении смешанной экономики) "не означали качественного переворота в социальной структуре российской экономики". Но бурное развитие революционной инициативы трудящихся заставило считаться с собой новые власти, которые под их давлением шли в проведении преобразований дальше, нежели полагали вначале. Часто "верхам" приходилось просто санкционировать экспроприации, уже осуществленные "снизу". В то же время, пролетарским и крестьянским организациям, несмотря на размах революционного движения, не удавалось наладить между собой прямые взаимосвязи, независимые от государства. Самоуправляющиеся фабрики и заводы работали нескоординировано, без капиталистов, но по-старому. Развитых революционно-синдикалистских структур, которые могли бы подготовить трудящихся к управлению производством и сразу после свержения буржуазной власти организовать его на социалистических началах, не существовало. Немецкий анархо-синдикалист А. Сухи, посетивший Россию в 1920 г., отмечал: "Контроль над промышленностью, которого добивались рабочие в октябре 1917 года, в конце концов окреп настолько, что превратился во власть на предприятиях. Но захват предприятий рабочими - это только негативная сторона дела, позитивная сторона - это управление.

Решительные шаги в этом направлении были предприняты в условиях гражданской войны, когда правительство постепенно осуществило такие меры, как широкая национализация при одновременном введении единоначалия в управлении хозяйством, внедрение системы назначенства, установление трудовой повинности, восстановление сверхурочного труда (отмененного ранее декретом о восьмичасовом рабочем дне), отмена эгалитарной оплаты труда, введение сдельщины и иерархической шкалы 27 зарплатных категорий, а также жестких наказаний за опоздание на работу, полное подчинение профсоюзов государству, разгон потребительской кооперации и т. д. В условиях диктатуры и отсутствия гражданских свобод происходило "умирание" Советов. Шаг за шагом элементы нового, самоуправляющегося общества были уничтожены властью, а общественная, экономическая и политическая жизнь в значительной мере огосударствлена.⁴⁷ Был установлен однопартийный режим. Правительству удалось подавить сопротивление авторитаризму, антиолигархические и

антибюрократические выступления за "третью революцию" (махновское движение, кронштадтскую коммуну 1921 г. и др.).

Режим "военного коммунизма" был введен как система чрезвычайных мер в ситуации гражданской войны. "Нужно, однако, признать, - оговаривался Троцкий, - что, по первоначальному замыслу, он преследовал более широкие цели. Советское правительство надеялось и стремилось непосредственно развить методы регламентации в систему планового хозяйства, в области распределения, так и в сфере производства. Другими словами: от "военного коммунизма" оно рассчитывало постепенно... придти к подлинному коммунизму".

По справедливому замечанию современного российского историка С.А.Павлюченкова, "в действительности военный коммунизм был оригинальной российской моделью немецкого военного социализма или госкапитализма... Как система экономических отношений он был аналогичен немецкому госкапитализму, лишь с той существенной разницей, что большевикам удалось провести ее железом и кровью, "варварскими средствами", при этом плотно окутав пеленой коммунистической идеологии... Сравнительный анализ исторического опыта двух стран подтверждает общую закономерность возникновения системы военного коммунизма". Если в Германии государственная диктатура осуществлялась в рамках компромисса с различными социальными слоями, то в России "сложилось так, что внедрить государственную диктатуру оказалось труднее, и для этого естественным течением вещей к делу были призваны иные, радикальные политические силы". Поэтому "здесь была предпринята попытка использовать ее более масштабно, как инструмент перехода к новому общественному строю".

В социальном отношении это была диктатура верхушки революционной интеллигенции, считавшей себя авангардом общества - режим, по своему положению сравнимый с якобинской диктатурой в период Великой Французской революции или с господством управленческой технократии в XX веке. По оценке Ленина, получалась "самая настоящая "олигархия". Ни один важный политический и организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии".⁵⁰ В то же время, большевистская власть в этот период еще утверждала, что она является временной, своего рода "воспитательной диктатурой"⁵¹, которая отомрет, как только будет преодолена "историческая отсталость" и массы окажутся достаточно зрелыми и способными для коммунистического самоуправления. Конечно, это время отодвигалась в неопределенную даль, но все это еще придавало режиму некую двойственность. Многие общественные сферы (например, культура,

частично - духовная жизнь) оставались вне непосредственного государственного диктата. В самой большевистской партии сохранялись различия во мнениях и практика широких дискуссий. Но дух самоорганизации и независимой социальной инициативы снизу удушался. Как замечал О.Рюле, "когда Ленин после успеха революции, совершенной Советами, рассеял это движение (Советов, - В.Д.), вместе с ним исчезло все то, что было пролетарским в российской революции. Буржуазный характер революции выступил на первый план и нашел свое естественное завершение в сталинизме"⁵². Для управления громоздким государственным и хозяйственным механизмом потребовалась многочисленная иерархия профессиональных чиновников-управленцев. За время "военного коммунизма" бюрократия выросла в мощный, разветвленный, самовоспроизводящийся общественный слой, сросшийся с частью революционной верхушки; стали складываться функционально-корпоративные, ведомственные и региональные группировки. Именно с этой стороны "революционную олигархию" ожидал удар. Сбылось то, о чем предупреждал итальянский анархист Э. Малатеста, писавший в 1920 г. : "Ленин, Троцкий и их товарищи... готовят правительственные кадры, которые будут служить тем, кто придет позднее, чтобы присвоить революцию и удушить ее. Так повторяется история - диктатура Робеспьера отправляет на гильотину его самого и открывает дорогу Наполеону".

Введение в 1921 г. "новой экономической политики" привело к еще большему усилению бюрократизации. Государственный контроль над жизнью общества не ослаблялся, а видоизменялся. Сущность НЭПа состояла в сочетании государственного и частного капитализма в целях экономического восстановления при сохранении и даже ужесточении партийной диктатуры, подавлении внутрибольшевистской оппозиции, закреплении однопартийности, назначенства и единоначалия в экономике. Механизм коррупции и система личных связей сращивала аппаратчиков с нэповской буржуазией. С другой стороны, противоборствующие группы в партийной верхушке в борьбе за власть опирались на усилившиеся бюрократические структуры. В результате стал формироваться социальный слой номенклатуры со своим самосознанием. Количество освобожденных функционеров в РКП(б) увеличилось с 700 человек в 1919 г. до 15325 в августе 1922 г. (большинство из них было назначено через Секретариат ЦК во главе с генсеком И. Сталиным). Общее число служащих в партийном, государственном, профсоюзном, кооперативном и иных аппаратах в 1924 г. превысило полтора миллиона человек.

Большевистские представления о пути к социализму через усиление государства были для собственных притязаний бюрократии лишь маской. Развернувшийся "процесс состоял в бурном росте партийного и государственного аппарата власти и в его возрастающих претензиях на то, чтобы управлять страной. Он был вызван объективно теми преобразованиями в общественной структуре, которые проводил... сам Ленин, декретируя и осуществляя огосударствление и централизацию, создавая монополию одной - правящей - партии. Перед лицом этого процесса ленинская гвардия... вдруг оказалась хрупким плотом на гребне вздымавшейся волны. Это была волна рвавшихся к власти и выгодным постам нахрапистых карьеристов и мещан, наскоро перекусившихся в коммунистов. Их напористая масса жаждала, вопреки представлениям Ленина, стать слоем "управляющих", - пишет историк М. Восленский.

НЭП увеличил роль и функции бюрократических аппаратов. Новый общественный слой, поднявшийся в период революции и присвоивший себе ее плоды, стремился теперь к неограниченному господству и оттеснению от власти сторонников "воспитательной диктатуры". Здесь уместна параллель с термидорианским переворотом в Великой Французской революции. Разница была, однако, в том, что в России "термидор" растянулся на несколько лет. Внутри авторитарно-бюрократического режима продолжалась острая борьба за власть, одна верхушечная коалиция сменяла другую, но все более укреплялась та группировка, которая имела наибольшую опору в аппарате, - группа Сталина.

Социалистический потенциал российской революции не был реализован. Уже в 1924 г. британская левая коммунистка С Панкхерст отмечала: "...Рабочие остались наемными рабами, крайне бедными, работающими не по свободной воле, а под давлением экономической нужды. Они удерживаются в подчиненном положении принуждением со стороны государства". Новые правители страны - "пророки централизованной эффективности, трестирования, государственного контроля и дисциплинирования пролетариата в интересах роста производства".

Политика "расширенного НЭПа" позволила несколько поднять производство, частично успокоить массы благодаря появлению продуктов в магазинах и росту зарплат. Если в 1922/1923 гг. реальные зарплаты российских рабочих в промышленности составляли 47,3% от уровня 1913 г., то в 1926/1927 гг. они были на 8,4%, а в 1928/1929 гг. на 15,6% выше, чем до войны, при том, что рабочее время было короче на 22,3%. За счет усиленного расслоения крестьянства были укреплены позиции имущих слоев в деревне (в 1925 г. по существу отменено важнейшее положение революционного Декрета о земле, которое запрещало

использование наемного труда в сельском хозяйстве и сдачу земли в аренду). Но улучшения оказались неустойчивыми. По словам левого эсера И. Штейнберга, большевизм колебался между двумя полюсами: "Он знает или военный "коммунизм" периода войны или капиталистический нэповский "коммунизм" эпохи мира. Но он отказывается от третьего пути социалистической революции - демократической и социалистической самоуправляемой республики Советов".

К концу 20-х гг. кризис НЭПа проявился в диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством и между отдельными отраслями, в стагнации роста реальных заработков, увеличении инфляции, безработицы и обнищании широких слоев населения. Обострение социальной дифференциации вело к усилению недовольства в стране, к забастовкам. Задачи, которые ставил перед собой режим, нельзя было решить в рамках существовавшей политической и экономической модели: "социалистическое первоначальное накопление" (в действительности, первоначальное накопление капитала) было невозможно осуществить за счет внешних ресурсов. В странах Запада, заявлял Сталин, тяжелая промышленность создавалась "либо при помощи крупных займов, либо путем ограбления других стран... Партия знала, что эти пути закрыты для нашей страны... Она рассчитывала на то, что... опираясь на национализацию земли, промышленности, транспорта, банков, торговли, мы можем проводить строжайший режим экономии для того, чтобы накопить достаточные средства, необходимые для восстановления и развития тяжелой индустрии. Партия прямо говорила, что это дело потребует серьезных жертв и что мы должны пойти на эти жертвы открыто и сознательно...".

В условиях, когда в деревне сохранялась крестьянская община, а большая часть сельских жителей вела полунатуральное хозяйство, потребляя почти столько же, сколько производила, нельзя было ни выжать из большинства населения средства для индустриализации, ни обеспечить ее рабочими руками. Между тем, с созданием тяжелой промышленности связывались не только решение внутренних проблем, но независимость и мощь государства, а, значит, стабильность власти и привилегий правящего слоя. "Ты отстал, ты слаб - значит, ты неправ, стало быть, тебя можно бить и порабощать. Ты могуч - значит, ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться. Вот почему нельзя нам больше отставать", - эту империалистическую логику исповедовал вождь номенклатуры.

В условиях, когда в деревне сохранялась крестьянская община, а большая часть сельских жителей вела полунатуральное хозяйство, потребляя почти столько же, сколько производила, нельзя было ни выжать из большинства населения средства для индустриализации, ни обеспечить ее рабочими руками. Между тем, с

созданием тяжелой промышленности связывались не только решение внутренних проблем, но независимость и мощь государства, а, значит, стабильность власти и привилегий правящего слоя. "Ты отстал, ты слаб - значит, ты неправ, стало быть, тебя можно бить и поработать. Ты могуч - значит, ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться. Вот почему нельзя нам больше отставать", - эту империалистическую логику исповедовал вождь номенклатуры.

Опираясь на поддержку бюрократии, Сталин осуществил в 1929 г. "великий перелом" и единолично захватил власть. За этим последовало установление тоталитарного режима. Сталинский "брюмер", явившийся как бы продолжением "термидора", произошел не в ходе какого-либо одномоментного акта и формально без разрыва преемственности, поскольку для поддержания легитимности собственного правления те, кто стоял у власти, продолжали ссылаться на авторитет Ленина, революцию 1917 года и большевистскую диктатуру. В отличие от фашистских режимов, выросших из массовых тоталитарных движений, сталинская диктатура была установлена "сверху" в результате эволюции большевистской власти и затем приступила к созданию тоталитарных механизмов на основе перетряхивания и реорганизации уже существовавших авторитарных институтов большевизма - партии, огосударствленных профсоюзов, молодежных, женских и т. п. организаций. Все они превращались в элементы тоталитарной структуры, в приводные ремни сталинского государства. Иными словами, если фашизм вводил свое движение в государство, то сталинизм трансформировал партию и другие организации авторитарного режима в государственные институты. Относительной свободе внутрипартийных дискуссий, то есть легальному отстаиванию групповых интересов окончательно пришел конец.

В ходе коллективизации была уничтожена крестьянская община. На любые коллективы переносились деспотические, псевдообщинные принципы патернализма, круговой поруки и почти полного удушения какой-либо независимой индивидуальной или групповой инициативы. "Общественные" институты режима превратились в инстанции для решения всевозможных человеческих проблем, включая самые интимные. На этом обезличенном коллективизме строилась вся система воспитания. По меткому замечанию немецких исследователей, "социальные функции крупных советских предприятий были частично теми же, что у деревни и общины" - обеспечение жильем, снабжение продуктами, организация культурной жизни, отдыха и свободного времени.

Структура и функционирование тоталитарных режимов

Таким образом, "классические" тоталитарные режимы - итальянского фашизма, германского нацизма и сталинского псевдокоммунизма - пришли к власти разными путями и на различных этапах развития соответствующих стран. Тем не менее, в их механизмах и структуре можно обнаружить явное сходство. Идеологическое обоснование тоталитарных диктатур также было различным, хотя и здесь присутствуют некоторые общие черты. Прежде всего, во всех случаях речь шла о стремлении государственной власти как можно более полно поглотить общество и контролировать жизнь людей. В каждом из рассматриваемых режимов выстраивалась жесткая властная вертикаль диктатуры, не допускавшей ни форм представительной демократии, ни тем более общественного самоуправления. Во главе "пирамиды" стоял обожествляемый вождь-диктатор, опиравшийся на жесткую иерархию партии-государства, все решения принимались деспотическим, командным путем, часто даже без соблюдения каких-либо формальных норм. Все сферы общественной жизни были структурированы в виде массовых корпоративных организаций (профсоюзных, молодежных, женских, социальных, культурных и т.д.), включенных в вертикаль в качестве "приводных ремней". Механизмы партии-государства поглощали и строжайше контролировали каналы информации, сферу образования, культуры, науки, агитации и пропаганды. Всякое инакомыслие и горизонтальные общественные связи пресекались средствами террора, который кроме обычного метода запугивания становился также способом насаждения массовой истерии или мобилизации "даровой" рабочей силы.

При этом сталинская диктатура обладала в определенном смысле наиболее монолитной и унифицированной вертикальной структурой, поскольку - в отличие от германской и итальянской модели - не была вынуждена инкорпорировать в себя первоначально инородные элементы и параллельные иерархии (предпринимательские, финансовые, церковные и т.д.). Национал-социализм и итальянский фашизм в теории также провозглашали принцип единой властной пирамиды, но в действительности так и не попытались ее создать. Это позволило ряду исследователей характеризовать наци-фашистский вариант тоталитаризма как "поликратию"⁶⁴. Сталинскую диктатуру можно рассматривать в этом отношении как более "упрощенный" и в то же самое время "приближенный" к "идеальному типу" вариант. Структура сталинистской системы приняла облик пирамиды, состоявшей из четырех уровней (харизматический вождь,

бюрократическая верхушка или элита, средние и низшие слои бюрократической иерархии, трудящиеся), причем верхняя ступень как бы "подстегивала" нижнюю, апеллируя к низшим. Гигантский объем задач, взятый па себя партией-государством, требовал все большего расширения государственной и хозяйственной бюрократии. Провозгласив, что "кадры решают все", Сталин способствовал укреплению устойчивого слоя государственных чиновников, хотя не воспользовался этим термином, предпочтя название "номенклатура". Ее функция состояла в конкретном осуществлении решений, принимавшихся на верхних ступенях, в то время как вождь и окружавшая его олигархия выражали в конечном счете интересы бюрократии в целом и постоянно воспроизводили ее. Постепенно расширялась система властных и материальных привилегий номенклатуры, соответствовавшая строго выстроенной иерархии. Эти льготы более не рассматривались, как "временные". В 1929 - 1930 гг. были отменены ограничения для размеров зарплаток членов партии ("партмаксимум"). Если до этого им не разрешалось получать больше, чем квалифицированным рабочим, то уже в конце 30-х гг. жалование ответственных работников могло превышать заработную плату рабочего в десятки раз. Для сталинского варианта государства были свойственны также определенные черты корпоративизма. Руководители и рядовые труженики считались членами одних и тех же трудовых коллективов, входили в одни профсоюзные и партийные организации. Само существование бюрократического класса отрицалось. Чиновники и функционеры характеризовались как "представители и выразители интересов рабочего класса", как "слуги народа".

Отношения вождя с номенклатурой, как и отношения внутри ее отнюдь не были идиллическими. Аппаратчик, заняв определенную должность, добивался прочности и стабильности своего положения, проявлял консерватизм, был склонен затормозить дальнейшую модернизацию и замкнуться в систему групповых интересов. Сталин и его окружение всемерно пытались форсировать темпы развития и старались держать все сферы жизни в постоянном напряжении, для чего время от времени апеллировали к "низам", обличая бюрократию в некомпетентности, головотяпстве, а то и во "вредительстве" или "преклонении перед иностранщиной". Периодически осуществлялись "перетряхивания" кадров, так что никто не должен был забывать о своей зависимости от "начальства" и "хозяина". Тем не менее, желания "попользоваться" своим положением, а также местнические и групповые или клановые интересы давали о себе знать.

Попытки сталинского тоталитаризма организовать социум в виде единой пирамиды власти, с одной стороны, и известная "поликратичность" нацизма и фашизма

предопределили и различия в экономической структуре тоталитарных государств. Так, итальянский фашизм вплоть до конца 20-х гг. предпочитал ограничивать государственное вмешательство в хозяйственную жизнь стратегическим макропланированием и теми отраслями, где ощущалась нехватка частного капитала; расширение воздействия произошло только в связи с мировым экономическим кризисом начала 30-х гг. Германский нацизм создал по существу смешанную, государственно-частную командную экономическую систему. Сталинское же государство пользовалось неограниченной монополией на землю, недра и средства производства, транспорта и коммуникаций. Можно сказать, что такие отличия в степени концентрации экономики определялись, в первую очередь, особенностями исторического развития соответствующих стран и специфическими задачами правящих режимов.

Этатизм, идея всемогущего, всеохватывающего, сверхрационального государства в полностью управляемом мире, фактически лежала в основе идеологии каждого из рассматриваемых режимов. Мотивироваться она могла по-разному, но во всех случаях представители тоталитарных режимов утверждали, что их эффективно организованный механизм вносит порядок в хаотический социум. Сталинская система с ее "марксистско-ленинской" идеологией продолжала ссылаться на традиции Просвещения и критиковать капитализм как систему "экономической анархии". "Советское социалистическое" государство, напротив, изображалось как вершина исторического прогресса человечества, как наиболее совершенный способ организации оптимального и бескризисного управления всеми аспектами общественной жизни. Это была своего рода претензия на "панрационализм", соответствовавшая бюрократическому идеалу полного контроля над всеми сферами человеческой деятельности. Ритуальные фразы об "отмирании государства при коммунизме" периодически продолжали звучать из уст идеологов режима, но на практике ничего подобного, естественно, не происходило. Для того, чтобы как-то примирить действительность с ее идейным обоснованием, была пущена в оборот "диалектическая" фраза об "отмирании через расцвет". В свою очередь, нацисты воспринимали себя как своего рода авангард всемирной этатистской революции, в которой люди станут управлять своим бытием через посредство инструмента разума - государства. Характерно, что как в идеологии, так и на практике тоталитарный рационализм оказывался тесно связан с иррациональными моментами. Так, трудно найти только и исключительно рациональное объяснение нацистскому геноциду в отношении евреев и других народов, объявленных "расово неполноценными", или сталинским "чисткам", равно как и подчинению всей общественной жизни сверхчеловеческим, надличностным

"идеалам".

Тоталитарные режимы стремились "в идеале" к полному растворению отдельной человеческой личности в контролируемом и структурированном "целом" - государстве, партии или (в фашистско-нацистском варианте) нации. Итальянские фашисты заявляли, что признают индивида лишь постольку, "поскольку он совпадает с государством, представляющим универсальное сознание и волю человека в его историческом существовании", "высшую и самую мощную форму личности". Германские нацисты провозглашали: "Общая польза выше личной пользы". Все это - наряду с социал-дарвинистским пониманием жизни как активной агрессии и борьбы за существование - служило в фашизме и нацизме обоснованием для национализма, который, в свою очередь, мог толковаться по-разному. Так, у итальянских фашистов нация была носителем "неизменного сознания и духа" государства, сплоченным на основе "общей воли" и "общего сознания". Немецкие нацисты, напротив, вели речь о "расово-биологических факторах", о "народном сообществе людей немецкой крови и немецкого духа в сильном, свободном государстве". Они провозглашали и осуществляли крайний расизм, объявив уничтожение "расово неполноценных" народов и индивидов залогом благосостояния "своей нации". Сталинская диктатура формально выступала за "пролетарский интернационализм", но в действительности практиковала национализм под предлогом верности своему "социалистическому государству" ("социалистического патриотизма). Грань между "государственническим" и "этническим" национализмом оказывалась в XX веке очень зыбка, и сталинизм в 40-х -50-х гг. (в связи со Второй мировой войной и последующей "холодной войной" с западными державами) стал все больше обращаться к великорусскому шовинизму. При сталинском тоталитаризме точно так же, как при фашизме и нацизме, отрицалась ценность отдельной человеческой личности. Человек воспринимался как "колесико и винтик" советского государства - носителя разума и коллективного опыта. Официально провозглашалась "народность" режима и "социальное равенство", но по существу сталинская система была не менее антиэгалитарной по духу, чем фашизм, декларировавший "неизбежность, благотворность и благодетельность" неравенства. И в фашизме, и в сталинизме "народ" считался неспособным к самодеятельности, склонным к "коллективной безответственности" и эгоизму, к непониманию своих "подлинных" (национальных или исторических) интересов, а потому выражать эти интересы должна была тоталитарно руководящая партия.

Тоталитарные режимы и обосновывавшие их идеологии отрицали самоценность человеческой свободы. Как наци-фашизм, так и сталинизм исходили из того, что существуют свободы "подлинные", "существенные" и свободы "бесполезные, вредные" или мнимые. В фашистской идеологии к первым относились возможность беспрепятственной борьбы за существование, агрессия и частная экономическая инициатива, при сталинском режиме - право пользования социальными гарантиями, предоставляемыми государством. Напротив, индивидуальные свободы и права человека отвергались как продукт либерального вырождения (в теориях фашистов) или - вслед за Лениным - как фальшивый "буржуазный предрассудок" (при сталинизме). В то же самое время, тоталитарные режимы стремились опереться на стимулируемую ими самими активность масс, индоктринированной господствующей идеологией, на дирижируемое сверху массовое движение. Эту своеобразную "обратную связь" между режимом и массами, выходящую далеко за рамки простой пассивной покорности "низов" авторитарной диктатуре и придающую тоталитарным структурам особую прочность, не случайно считают одной из основных отличительных черт тоталитаризма. Идеологи режимов объявляли ее подлинной ("организованной" у фашистов или "реальной" и "народной" у сталинистов) демократией, не нуждающейся (или не обязательно нуждающейся) в закреплении посредством формальных голосований или волеизъявлений, поскольку партия и вождь по определению сосредотачивают в себе высший интерес народа и истину. При посредстве разветвленной сети корпоративных, воспитательных, социальных учреждений, массовых собраний, торжеств и шествий партии-государства стремились преобразовать самую сущность человека, дисциплинировать его, захватить и полностью контролировать его дух, сердце, волю и разум, формировать его сознание, характер, воздействовать на его желания и поведение. Унифицированные пресса, радио, кино, спорт, искусство целиком ставились на службу официальной пропаганды, призванной "поднимать" и мобилизовывать массы на решение очередной задачи, определенной "наверху".

Такая массовая активность в заранее установленных и жестко контролируемых режимом рамках была не только орудием контроля и господства, но и мощным средством мобилизации. Фактически она направлялась, в первую очередь, на решение военных и военно-индустриальных задач. Империалистические державы Германия и Италия использовали массовую экзальтацию для перестройки экономической и общественной жизни с целью подготовки к широкой экспансии вовне. В СССР за счет ее пытались осуществить форсированную индустриализацию и наращивание производства. Еще XV съезд ВКП(б) провозгласил, что "работа по

рационализации народного хозяйства своей главнейшей и решающей предпосылкой имеет широкое вовлечение в нее рабочих и крестьянских масс". На "все партийные, советские, профессиональные, кооперативные и другие организации" возлагалась задача развернуть интенсивную пропаганду и практически организовать "социалистическое соревнование". Уже через несколько лет Сталин хвалился "пафосом строительства" у миллионов советских трудящихся, воспринимавших освоение новой техники как "дело чести".⁶⁷ Он любил являться миру на фоне ударников, сборщиц хлопка, колхозниц-миллионерок, стахановцев и иных "героев труда".

По справедливому замечанию А. Горца, смысл этой "низовой инициативы", распространившейся в годы первых пятилеток, сводился к тому, что человек должен был "сам испытывать желание стать активным инструментом для осуществления внешних по отношению к нему целей (социализма, истории, революции) внешней волей (плана или партии)". Иррациональная вера в высшую мудрость государства и его политики была призвана преодолеть прежнее, препятствовавшее широкомасштабной индустриализации отношение к труду лишь как к средству получить продукты для собственного потребления. По словам немецкого исследователя Р.Курца, "эта протестантская этика человека абстрактного труда,... характерная, согласно Максиму Веберу, для идеологического и исторического возникновения капитализма, нигде не осуществлялась столь ревностно и непреклонно, как... в обществах реального социализма".⁶⁸ Продуктивизм (культ труда и индустриального производства) внедрял "трудовую этику", суровую производственную дисциплину, "стахановщину" и "ударничество". В свою очередь, Э.Фромм отмечал аналогичные черты в фашистской идеологии: авторитарный, садо-мазохистский характер фашиста предполагает восторженное подчинение "высшей силе" (природе, богу, провидению, судьбе, истории, сильной воле и т.д.)⁶⁹, в результате чего он воспринимает собственные действия, даже противоречащие его непосредственным интересам как "священные".

Важнейшим механизмом тоталитарного оформления и стимулирования массовой активности был корпоративизм. Интересы различных классов в социальном организме, контролируемом тотальным государством, объявлялись не антагонистическими, а взаимно дополняющими друг друга и подлежащими организации "сверху". В наци-фашистских моделях каждая социальная группа с "общими" экономическими задачами - от наемных тружеников до предпринимателей данной отрасли и чиновников - рассматривалась как пирамидальная корпорация. Социальное партнерство труда (работника) и

капитала (предпринимателя) считалось основой производства в интересах нации. Труд, в который включалась предпринимательская и управленческая деятельность, провозглашался "социальным долгом", охраняемым государством, а экономика - единым целым. Социальное партнерство в рамках корпорации обязывало "верности между предпринимателем и коллективом как между вождем и ведомыми для совместного труда, выполнения производственных задач и на благо народа и государства". Германские национал-социалисты ввели всеобщую трудовую повинность, а их программа декларировала: "Первая обязанность каждого гражданина государства - трудиться духовно и физически ради общего блага".

В сталинской модели, где также существовала обязанность "трудиться на благо общества", корпоративизм формально не провозглашался. Но фактически он и здесь лежал в основе социальной организации. Тезис об общности интересов работников и администрации, подчиненных и начальников внушался и внедрялся в сознание настолько интенсивно, что он сохраняется в России и годы спустя после демонтажа однопартийного режима КПСС. В профсоюзы в СССР, как и в фашистские синдикаты или в германский нацистский "Трудовой фронт" входили как наемные труженики, так и администрация.

Если сталинская система продвинулась дальше наци-фашизма в попытках создать единую монолитную структуру власти, то, с другой стороны, она уступала итальянскому и германскому тоталитаризму в идеологической "откровенности". Можно утверждать даже, что сталинизм так и не сумел "достроить" свою идейную конструкцию в некое непротиворечивое целое. Даже осуществляя самый страшный террор против населения, "советский" тоталитаризм формально продолжал ссылаться на гуманистические идеалы Просвещения и революционного движения, на коммунистическую идею справедливого и эгалитарного общества. Это объяснялось, в частности, тем, что бюрократическая диктатура в СССР в силу исторических обстоятельств своего возникновения нуждалась в постоянной легитимации своего существования, подчеркивая свою "преемственность" по отношению к российской революции и мировой освободительной традиции вообще. Идеологическая трансформация режима партии-государства в СССР происходила посредством постепенного и прогрессирующего "размывания" и "разжижения" первоначально провозглашенных коммунистических идеалов с помощью постулатов "реального социализма", изменявших эти первые до неузнаваемости, но не отвергавших их формально до конца. Такая особенность предполагала и большую уязвимость "советского" варианта тоталитаризма, что часто выражалось формулой "разрыв между словом и делом". "Все более очевидное несоответствие

реальной жизни провозглашавшемуся идеалу прикрывалось "корректировкой" последнего, например, исчезновением положений об отмирании государства, о самоуправлении, о том, что "свобода каждого есть условие свободы всех". Взамен широко пропагандировались идеи о "неантагонистических" противоречиях и классах, о наднациональной "общности советского народа", о превосходстве "всего советского" и т.д. Консервацию этих иллюзий до поры до времени обеспечивали ограничения информации извне и общения с зарубежьем. Однако, раньше или позже, истина должна была раскрыться, и тоталитарная идеология потерять свою интегрирующую силу"⁷¹. Фашизм и национал-социализм, изначально провозгласившие свою враждебность духу Просвещения и Свободы, не были столь связаны в этом отношении.

Распространение тоталитарных моделей государства

"Классические" тоталитарные модели вдохновили не только многочисленные фашистские движения, возникшие в самых различных странах Европы и Америки, но и правящие или претендующие на власть элиты многих стран, принужденные действовать в стесненных экономических или политических обстоятельствах.

В сентябре 1923 г. в Испании была установлена диктатура генерала М.Примо де Ривера. Отвечая на вопрос одного из журналистов, повлиял ли на его выступление муссолиниевский "марш на Рим", военный правитель заявил: "Не было нужды копировать фашистов или великолепный образ Муссолини, хотя их действия дали полезный пример для всех". Режим Примо де Риверы не был фашистским, но заимствовал ряд его элементов: была создана единая политическая организация, реорганизованы ополчения "соматены", превращенные в опору диктатуры, и т.д. После падения военной диктатуры последователи отстраненного генерала создали чисто фашистскую организацию - "Испанскую фалангу". Фалангисты приняли самое активное участие в установлении франкистского режима в Испании в 1936-1939 гг. Новая диктатура генерала Ф.Франко сочетала в себе тоталитарно-фашистские и авторитарные, консервативно-традиционалистские черты: наряду с корпоративной системой и структурой "вертикальных синдикатов" существовал своеобразный "консервативный плюрализм", официально интегрированный в единую партию-движение.

В Турции режим К.Ататюрка с 1925 г. превратился в однопартийную националистическую диктатуру, целью которой была ускоренная модернизация экономики и общества с помощью деспотических действий государства (эта политика официально получила название "этатизма"). Ключевые хозяйственные рычаги были сконцентрированы в государственных руках. Профсоюзы и общественные организации контролировались правительством. Принимая в 1939 г. турецкую делегацию, Гитлер заявил: "Турция была для нас примером". Но и ататюркистский режим нельзя признать тоталитарным, несмотря на ряд присущих ему черт. По мере укрепления частной буржуазии росла и роль тех, кто выступал против "крайностей" этатизма. В 40-е гг. в Турции утвердилась многопартийная система.

Исследователи нередко называли фашистскими или тоталитарными диктаторские режимы, установленные в 20-е - 30-е гг. в ряде восточно-европейских стран. Действительно, эти системы правления использовали ряд методов, характерных для фашизма или национал-социализма (однопартийная структура, элементы корпоративизма, сеть общественных организаций как "приводных ремней" власти, организованный террор и т.д.), однако власть при этом никогда не уходила из рук традиционных политических и экономических элит, которые предпочитали действовать сверху и не слишком полагались на несовершенные механизмы воздействия на общественное сознание. Правящие круги стремились с помощью чрезвычайных, подчас тоталитарных методов либо подавить растущее народное движение (как в Болгарии в 1923 г.), либо решить внешнеполитические проблемы или же обеспечить внутривластную стабильность в условиях острого хозяйственного кризиса. Характерно, что при этом они боролись не только со своими политическими противниками "слева", но и с действительно фашистскими партиями и движениями (вроде "Железной гвардии" в Румынии).

Своеобразным вариантом можно считать авторитарную систему правления, установленную правящей Христианско-социальной партией в Австрии с конца 20-х гг. Уже в ходе конституционной реформы 1929 г. в государственное устройство был внесен ряд корпоративно-фашистских черт. В условиях экономического и социального кризиса начала 30-х гг. фашизация Австрии резко ускорилась, что дало основание противникам режима говорить о специфическом "австро-фашизме". В 1932 г. представители фашистского движения "хеймвер" были включены в правительство и интегрированы в систему власти. В 1933 г. все правящие группировки были объединены в политическую организацию - "Отечественный фронт", а после разгрома выступления венских рабочих в 1934 г. в

стране была введена новая, фашистская конституция корпоративного государства. По оценке некоторых исследователей, "у австро-фашизма было больше сходства с фашистским устройством в Италии до середины 30-х гг., а особенно с пиренейскими диктатурами. Вместе с ними он относится к тому типу режимов, которые можно определить, как авторитарно-фашистские в отличие от тоталитарно-фашистских в гитлеровской Германии, а также в муссолиниевской Италии, которая в процессе эволюции приблизилась к нацистскому образцу"⁷⁷. С нашей точки зрения, можно говорить об авторитарном режиме с сильными тоталитарными элементами, но при отсутствии ряда важных тоталитарных черт, к примеру таких, как система "партии-государства" и продвижение новых элит.

Корпоративный режим в Португалии (салазаризм) вырос из стремления авторитарной военной власти обеспечить политические и социальные условия для чрезвычайной финансово-экономической политики. Будущий диктатор А.Салазар начинал как эксперт - министр финансов, получивший от генералов задание "оздоровить" экономику страны. Не прибегая к внешним займам, он сумел за счет жесткой экономии устранить бюджетный дефицит, а затем "убедить военных... в правильности своего политического проекта создания в стране жесткого автократического режима при формальном сохранении республиканского строя и представительных учреждений"⁷⁸. Став в 1932 г. премьер-министром, Салазар ввел на следующий год конституцию "нового государства", имевшего ряд выраженных фашистских черт - корпоративизм, однопартийную систему власти, структуру "национальных синдикатов" и иных "общественных организаций" и т.д. Но при этом диктатор отвергал тоталитарное отождествление партии и государства и подчинение всей жизни граждан целям и потребностям государства.

К тоталитарным инструментам и способам управления прибегла в конце 30-е гг. правящая верхушка императорской Японии, стремясь консолидировать все силы с целью осуществления программы широкомасштабной внешней экспансии. Созданная таким образом "новая национальная структура" предусматривала роспуск политических партий, отказ от представительного правления, создание единой политической организации, которая должна была стать "рычагом мобилизации населения на нужды японских усилий по ведению тотальной войны и рамками для деятельности различных ведомств для поддержания морали на внутреннем фронте" (включая разветвленную сеть молодежных, соседских и женских "патриотических ассоциаций")⁷⁹. Государственное устройство военной Японии нередко определяют как "военно-фашистское", но такая характеристика представляется неверной. Скорее его допустимо обозначить как крайнюю степень

авторитарно-милитаристской диктатуры при сочетании традиционно-авторитарных и тоталитарных черт.

Корпоративные и этатистские модели оказали бесспорное влияние на националистически настроенные круги стран Латинской Америки. В средних слоях, среди молодой интеллигенции и военных, а также в среде буржуазии, испытывавшей острую конкуренцию со стороны более мощных фирм и компаний из США и Западной Европы, существовало убеждение в том, что такого рода режим может обеспечить ускоренную модернизацию и "экспортозамещающую индустриализацию" их стран, их экономическую независимость при одновременной социальной стабильности. Известно, что даже будущий лидер левых либералов Колумбии Х.Э.Гайтан, учась в 1926-1929 гг. в Европе, увлекался идеями Муссолини. Исследователи отмечают воздействие корпоративно-фашистских идей и тенденций на диктатуру Ж.Варгаса в Бразилии ("Новое государство" 1937-1945 гг.), на режимы "военного социализма" в Боливии (1936-1939 гг.), на перонистскую диктатуру в Аргентине (1946-1955) и т.д. Но относить эти модели к фашистским в полном смысле слова также нельзя, поскольку они существовали в иной исторической обстановке. Скорее они представляли собой своеобразное соединение новейшего корпоративизма с чертами традиционных южноамериканских диктатур (так называемым каудильизмом). Лишь в Аргентине перонистская система опиралась на массовую партию и верные режиму профсоюзы, в большинстве других случаев подобные механизмы тоталитарной власти созданы не были.

Крушение фашистского режима в Италии и национал-социалистической диктатуры в Германии в ходе Второй мировой войны подорвало "спрос" на эти разновидности тоталитаризма. Зато получили распространение модели, в той или иной степени вдохновлявшиеся примером сталинского СССР.

В ряде стран, занятых советскими войсками, тоталитарные режимы установились под непосредственным диктатом извне, из Москвы. В то же самое время было бы неверно совершенно сбрасывать со счетов наличие внутренних факторов и сил, способствовавших подобному развитию, влияние политических групп и кругов, стремившихся к форсированной индустриальной модернизации восточно-европейских обществ по советскому образцу (главным образом, внутри коммунистических партий, но также и среди части интеллигенции и средних слоев). Сформированная в конечном счете система так называемой "народной демократии" оказалась своеобразным синтезом сталинских тоталитарных структур (господство одной партии, именовавшейся коммунистической или рабочей,

создание сети "общественных организаций", находившихся под контролем этой партии, режим террора и систематического подавления политических оппонентов и потенциально недовольных, идеологический диктат и т.д.) с формально сохранившимися элементами парламентской демократии (официально продолжали существовать разделение властей, парламентские институты, а также - в большинстве стран - иные политические партии, правда, включенные в структуру власти через органы так называемых Национальных, Отечественных или Народных фронтов). Имеются сведения о том, что подобное сочетание само было результатом своего рода компромисса между представлениями о судьбе Восточной Европы в советской правящей верхушке - концепциями "советизации" (полного перенесения сталинской модели) и "финляндизации" (то есть политического контроля со стороны СССР при сохранении режимов парламентской демократии). Само утверждение режимов "народной демократии" происходило в течение ряда лет (кроме Албании и Югославии, где после победы партизан из компартий над германскими войсками такие системы правления возникли уже в ходе Второй мировой войны или сразу после нее). Эта схема получила название "тактики салями", то есть постепенного проникновения просоветских элементов и сторонников компартий в силовые структуры и "ползучий" захват ими государственного аппарата.

Под влиянием СССР или под воздействием его модели утвердились режимы советского типа в ряде стран Азии (в Монголии в 20-е гг., в Китае, Северной Корее и Вьетнаме в 40-е гг., в Лаосе и Камбодже в 1975 г.) и на Кубе (после свержения проамериканской диктатуры в 1959 г.). После падения колониальной системы многие из новых независимых государств также выбирали путь так называемой "некапиталистической" или "социалистической ориентации", что означало на практике заимствование в той или иной мере некоторых сторон системы правления, существовавшей в Советском Союзе: структур "партии-государства" и контролируемых ею общественных организаций, господства единой идеологии и т.д. Характерно, что такие правительства обычно избирали "советский путь" в сфере экономики, то есть проводили значительную концентрацию хозяйственного потенциала в руках государства и разворачивали быструю индустриализацию. Зависимое положение этих стран и слабость собственной буржуазии порождали положение, при котором - как и в России - государственно-бюрократическая диктатура "капитализма без капиталистов" становилась единственным (пусть и непрямым) историческим путем создания независимого индустриально-капиталистического общества в этих регионах Земного шара. "Монополистический капитализм и его контроль над мировым рынком в сочетании с прогрессирующей

национальной и интернациональной концентрации капитала не дают возможности неразвитым странам для самостоятельного национального капиталистического развития. Это становится возможным только при отрыве от капиталистической системы мирового рынка и политическом освобождении от империалистического господства. Первое недостижимо на пути конкуренции и медленного развития капиталистической частной собственности, как это произошло когда-то в доминирующих капиталистических странах. Второе требует национально-революционных освободительных войн, направленных как против империалистического капитала, так и против сросшегося с интернациональной буржуазией и зависимого от нее собственного господствующего класса. Поскольку борьба угнетенных наций должна опираться на народные массы и направлена против иностранного капитала, ее нельзя вести на основе капиталистической идеологии; идеологически она должна изображать себя как антикапиталистическую или социалистическую. Носителями этой идеологии служат лишенные возможностей для развития интеллигентские средние слои, которые с помощью национальной революции и захвата государственного аппарата становятся новым правящим классом...

Процесс, преобразивший Россию, повторился после Второй мировой войны - частью со ссылками на теорию Маркса, частью без них - в национально-освободительных движениях в Азии и Африке, где во многих случаях большевистская партия была заменена армией". Этот анализ американского социального исследователя и экономиста П.Маттика можно считать ключевым для понимания места и роли тоталитарных устройств, служивших орудием форсированного развития национальных государственных и хозяйственных систем.

Процесс, преобразивший Россию, повторился после Второй мировой войны - частью со ссылками на теорию Маркса, частью без них - в национально-освободительных движениях в Азии и Африке, где во многих случаях большевистская партия была заменена армией". Этот анализ американского социального исследователя и экономиста П.Маттика можно считать ключевым для понимания места и роли тоталитарных устройств, служивших орудием форсированного развития национальных государственных и хозяйственных систем.

Историческая функция тоталитарных режимов

Если одни исследователи сводят роль тоталитарных (прежде всего, фашистских) режимов к чрезвычайному орудию подавления трудящихся масс, своего рода превентивной или односторонней "гражданской войне" сверху⁸⁷, то некоторые другие считают их простым проявлением неумеренной жажды власти тех или иных лиц или группировок⁸⁸ либо неким случайным зигзагом в истории, не обусловленным развитием соответствующих обществ. В действительности, мы могли видеть, что тоталитарные или прототалитарные режимы возникали в самых различных исторических обстоятельствах, на самых разных этапах социального развития. В одних случаях они сопровождали (и, как мы увидим, организовывали) создание основ индустриального общества (Россия-СССР, некоторые страны Восточной Европы и "Третьего мира"). В Германии и частично в Италии они устанавливались в период перехода от одной стадии развития индустриального общества ("дофордистской") к другой ("фордистской", "тейлористской", "конвейерной"). Общим можно считать одно: тоталитарные системы правления призваны были обеспечить концентрацию сил, резервов и ресурсов для ускоренного, форсированного решения задачи социально-экономической и социально-политической модернизации в ситуациях, когда "нормальное" достижение цели бывало по тем или иным причинам затруднено или невозможно.

Не следует искать здесь какой-либо "предопределенности". История не есть поле действия "железно-необходимых" законов, пробивающих себе дорогу с неотвратимостью рока. Нельзя считать неизбежной и упомянутую нами "модернизацию", то есть переход от доиндустриальной фазы развития к индустриальной либо от одной из ступеней индустриального общества к другой. Направление развития всегда связано с интересами и с соотношением тех или иных социальных сил или групп, которые вступают между собой в острую борьбу по вопросу о путях общественного развития. Но у этих процессов существует и своя собственная логика. Так, стремление новых, "альтернативных" элит в России и иных "догоняющих" странах обеспечить собственное господство внутри страны и за ее пределами неумолимо предполагало ориентацию на экономическую независимость и индустриализацию страны, для чего было необходимо жестко контролировать ее связи с мировым рынком и т.д. Точно так же, интересы итальянского и германского капитализма, отставшего от своих конкурентов, в конкретных обстоятельствах "требовали" активной внешней экспансии, что опять-таки побуждало к ускоренной "модернизации".

Первая мировая война обострила все внутренние противоречия, особенно в странах, не добившихся в результате ее ощутимых успехов или потерпевших

поражение. В Италии неспособность либеральной системы преодолеть отставание от других держав, обеспечить дальнейшее процветание итальянского капитализма, покончить с препятствовавшими ему гегемонией региональных и групповых интересов, с разрывом в уровне индустриализации между Севером и Югом побудила Муссолини использовать широкое недовольство для установления фашистской диктатуры. Попытки решения этих проблем занимали важнейшее место в политике режима Муссолини. Итальянские фашисты не случайно воспринимали себя как продолжателей национальной задачи Риссорджименто с его максимой: единое итальянское государство уже создано, теперь следует "создать итальянцев" как единую, гомогенную нацию.

К концу 20-х - началу 30-х гг. либеральный капитализм оказался в тупике во всех важнейших странах. Промышленный рост, стимулированный Первой мировой войной, и распространение новой конвейерной технологией вызвали стремительное развитие социальных и экономических диспропорций, гигантскую безработицу, невиданное прежде обнищание и падение покупательной способности масс. "Великий кризис" 1929-1932 гг. знаменовал собой поворот к новому, "фордистско-тейлористскому" этапу в истории индустриального капитализма. Государство вынуждено было брать на себя функции планирования и решения системных проблем, а также усилить свое вмешательство в социальную сферу. В большинстве капиталистических стран оно прибегло в 30-е гг. к так называемой "кейнсианской" политике: увеличению государственных инвестиций в экономику, регулированию условий производства и сбыта, поддержке программ борьбы с безработицей, принудительному картелированию, поощрению общественного спроса (в том числе посредством увеличения военных заказов) и т.д. Смягчение социальных проблем в результате активной государственной политики должно было также стимулировать массовый спрос, а этот последний - вызвать новый экономический рост.

"...Фашизм всплыл на поверхность тогда, - констатировал философ М.Хоркхаймер, - когда общее экономическое положение потребовало планируемой организации и когда руководящие силы перевели потребность в таком планировании в удобное для них русло. Они захватили контроль над общественным целым не для того, чтобы удовлетворять "всеобщие" потребности, а для того, чтобы реализовать свои собственные частные интересы. Государственное участие, использованное для осуществления энергичной программы национального оздоровления, особенно для регулирования трудовых отношений, означало в руках этих господ манипулирование всеми производительными силами в целях агрессии".

Общее усиление этатизма, разумеется, далеко не обязательно должно было привести везде и повсюду к установлению тоталитарных режимов. Большинство развитых капиталистических стран ввели у себя государственное экономическое и социальное регулирование при сохранении существовавших структур представительной политической демократии. В целом можно согласиться с мнением, что "с точки зрения общих, долгосрочных интересов капиталистического класса и .относительной стабильности буржуазного общества, буржуазно-парламентский режим предпочтителен по сравнению с любой формой диктатуры, не говоря уже о фашистской. Господство буржуазного класса (и всякой иной власти, - В.Д.) основано на специфическом переплетении механизмов репрессии и интеграции. Чем меньше доля этих последних, тем больше в долгосрочной перспективе нестабильность общества"⁹⁰. Ведь "только инициативное регулирование посредством стимулирования обеспечивает функциональную интеграцию индивидов, приводя и приманивая их к добровольному подчинению превращению их полностью отчужденной деятельности в инструмент"⁹¹. Однако ограничения, наложенные на Германию версальской системой и сдерживавшие экспансию германского капитализма и развитие тяжелой военной индустрии, наличие сильного рабочего движения, способного защищаться перед лицом попыток выйти из кризиса за счет трудящихся, неуравновешенность всей Веймарской демократии, тяжесть кризиса, - все это затрудняло использование в целях модернизации механизмов демократического государства. Влиятельные круги промышленности, финансов, военщины и госаппарата в надежде найти выход из кризиса "допустили" Гитлера к власти, чем он и воспользовался для установления тоталитарной диктатуры.

Экономическая политика фашистского государства представляла собой своеобразное "военное кейнсианство". Часть доходов банкиров, предпринимателей в сфере легкой промышленности, средних классов и, прежде всего, наемных работников перераспределялась в пользу производства вооружений и тяжелой промышленности вообще. За счет этого стимулировался так называемый "общественный спрос", но отнюдь не индивидуальная покупательная способность трудящихся. Она, правда, несколько возросла за счет ликвидации безработицы, но на практике между 1933 и 1937 гг. цены на товары потребления выросли (несмотря на формальное замораживание окладов и цен) на 8-25%, а номинальная зарплата - всего на 8%. По справедливому замечанию бельгийского экономиста Э.Манделя, "это решение, с капиталистической точки зрения, не "идеально"; оно ведет к обострению всех общественных противоречий. Которые в долгосрочной перспективе угрожают ввергнуть режим в крах. Но оно отвечает необходимости в

той мере, в какой слишком слабые общественные резервы, слишком подточенная валюта и слишком маленькие сферы для частных инвестиций делают невозможным модель "государства благосостояния".

Техника "накачивания" (экономики за счет инвестиций, - В.Д.) по существу здесь та же, что и в англосаксонских и скандинавских системах. Но ее смысл в еще большей степени и почти исключительно ограничен военной промышленностью. Существование этой политики ясно: увеличение норм прибыли за счет рабочего класса, лишенного своих политических и профсоюзных механизмов защиты. По сути, она ведет к милитаризации труда... В своей крайней форме, которую фашизм принял прежде всего в Германии во время Второй мировой войны, он все больше переходит от милитаризации труда к подавлению свободного труда, к рабскому труду" - в форме эксплуатации миллионов узников концлагерей, угнанных и военнопленных.

Техника "накачивания" (экономики за счет инвестиций, - В.Д.) по существу здесь та же, что и в англосаксонских и скандинавских системах. Но ее смысл в еще большей степени и почти исключительно ограничен военной промышленностью. Существование этой политики ясно: увеличение норм прибыли за счет рабочего класса, лишенного своих политических и профсоюзных механизмов защиты. По сути, она ведет к милитаризации труда... В своей крайней форме, которую фашизм принял прежде всего в Германии во время Второй мировой войны, он все больше переходит от милитаризации труда к подавлению свободного труда, к рабскому труду" - в форме эксплуатации миллионов узников концлагерей, угнанных и военнопленных.

Фашистско-нацистские государства, располагая диктаторскими возможностями концентрации сил и средств, смогли осуществить энергичное вмешательство во все сферы жизнедеятельности общества. Крупному капиталу импонировало, что техническая и экономическая модернизация направлялись в первую очередь на военную промышленность и создание военной инфраструктуры: таким образом он надеялся обойти своих зарубежных конкурентов. Некоторые из налаженных в годы тоталитарных диктатур институтов и механизмов государственно-монополистического регулирования в Германии и Италии пережили сами фашистские режимы и "вписались" в послевоенные системы представительной демократии. В рамках корпоративной системы осуществлялись и социальные программы, огосударствляя и "унифицируя" общественные инициативы и закладывая тем самым основы "социального государства". Однако особенностью фашистского "военного кейнсианства" на "фордистско-тейлористском" этапе индустриального общества было то, что оно могло действовать лишь в чрезвычайных условиях милитаризации и постоянной внешней экспансии,

способных компенсировать перевес механизмов социальной репрессии над социальной интеграцией. "Те же самые обстоятельства, которые уменьшали безработицу, одновременно настолько усиливали кризисное состояние, что в конечном счете оставался выбор лишь между дальнейшим упадком хозяйства - несмотря на государственное вмешательство - и насильственным империалистическим решением в виде войны. Германский капитал рискнул пойти на войну, чтобы спасти свою экономику за счет других стран".

Дальнейшее проведение индустриально-капиталистической модернизации нацизм планировал уже в общеевропейском масштабе под эгидой Германии. "Новый европейский порядок", следуя тенденции капитала к интернационализации экономики, предполагал рационализацию и специализацию в завоеванных странах и на захваченных территориях, контроль над производственными мощностями, ресурсами и размещением народонаселения на всем континенте. В эту систему вписывались уничтожение евреев, цыган, истребление массы славян как "избыточного населения", депортации и огромные перемещения рабочей силы. Например, осуществлялись или предусматривались массовые закрытия предприятий и магазинов, конфискованных у владельцев еврейского происхождения, переселение польских жителей деревень в города на место истребленных евреев, многомиллионное сокращение населения западных областей СССР в рамках "Генерального плана "Ост"" и т.д.

Модернизаторские функции фашистских режимов включали и действия по укреплению "государства-нации" за счет резкого разрушения традиционных территориальных и групповых связей, нивелировки различий между регионами и завершения формирования социальной анонимности как массовой базы развитой индустриальной системы. Особенно радикально это было сделано в нацистской Германии. Режиму Муссолини такая "унификация" удалась в куда меньшей степени: часть имущих элит Сицилии и Юга Италии в конечном счете выступила против его правительства, оказав помощь войскам союзников во время их высадки в стране в 1943 г.

Политика модернизации, которую осуществляли фашистские тоталитарные режимы, побуждали господствующие классы поддерживать диктаторские режимы, несмотря на упомянутый скрытый потенциал социальной нестабильности и дезинтеграции. Но когда военные поражения в ходе Второй мировой войны поставили под угрозу само существование национальных капиталистических систем в этих странах, стало ясно, что модернизаторский потенциал фашистских режимов исчерпан.

Иные модернизаторские задачи решал тоталитаризм советского типа. Централизованное и деспотическое государство становилось инициатором создания основ индустриального общества сразу же на фордистско-тейлористской технологической базе. Оно обладало монопольной собственностью на основные средства производства и возможностями пробудить и поддерживать в массах трудящихся индустриализаторский энтузиазм. Преобразования финансировались за счет ограбления деревни, крайне низкого уровня оплаты труда в городах (покупательная способность зарплаты сократилась в 1928-1940 гг. почти в три раза при росте производительности труда более чем в три раза)⁹⁶, экспорта сырья и хлеба, повышения налогов, выпуска необеспеченных денег, принудительных "государственных займов" и роста продажи алкоголя. Мобилизационная стратегия⁹⁷ потребовала огромной концентрации ресурсов, сил и полномочий, широчайшего внедрения командной системы и подневольного, неоплаченного труда, без которых не обошлась почти ни одна из гигантских "сталинских строек". Работа заключенных - жертв массового террора широко использовалась в промышленности и строительстве, на транспорте, в энергетике и т.д.

Все это позволило за 30 лет осуществить массовую экспроприацию в деревне и городе, пролетаризировать большинство населения и создать своеобразную структуру индустриального общества без частного капитала, в котором правящая номенклатура играла роль своего рода "совокупного капиталиста".

С исторической точки зрения сталинистский тоталитаризм представлял собой разновидность "догоняющей буржуазной модернизации", причем ее особая жестокость объяснялась тем, "что в нее, невероятно короткую по времени, уложилась эпоха длиною в две сотни лет: меркантилизм и Французская революция, процесс индустриализации и империалистическая военная экономика, слитые вместе".

Стоявшая у власти бюрократия для консолидации своего внутреннего и внешнего господства форсировала индустриализацию, приступив к ускоренному созданию производительных сил и механизмов, соответствующих буржуазному обществу. При этом она взяла на себя ту функцию, которую не смогли выполнить ни капитал в дореволюционной России, ни революционные большевики. Сбылось предсказание Маркса: "Если Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы,... она не достигнет этого, не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетариев...". Такой социальный переворот был совершен сталинистской диктатурой. Некогда аграрная Россия стала индустриальной сверхдержавой, которая сумела выйти победителем

из Второй мировой войны и соперничать с США в борьбе за мировое господство. Режимы советского типа, установленные после войны в других странах, также приступили к форсированной индустриальной модернизации: созданию основ индустриального общества там, где оно еще не получило достаточного развития или к такому изменению структуры хозяйства, которое лучше соответствовало стадии развитого индустриального общества. Концентрация средств и ресурсов в руках государства позволила и здесь обеспечивать в 50-е гг. высокие темпы экономического роста, что в известной мере приблизило эти прежде полуаграрные страны с традиционными социальными системами к уровню стран Западной Европы. Однако режимы советского типа, как и фашистские, имели свои пределы возможностей. Они выявились в ходе конкуренции другим индустриально-капиталистическим блоком - Западным, по мере нарастания противоречий и слабостей системы СССР и интернационализации мировых хозяйственных связей, торговли и финансовых отношений. Бюрократические структуры в СССР и государствах "народной демократии" были заинтересованы в сохранении мобилизационной тоталитарной модели до тех пор, пока та не исчерпала свой модернизаторский потенциал, не завершила индустриализацию страны и не открыла тем самым путь для "нормального" капиталистического развития. После этого в слоях номенклатуры возобладало стремление к стабилизации и упрочению своего положения, которое вступало в противоречие с систематическими попытками "вождя" (сначала И.Сталина, а затем и Н.Хрущева) обеспечить высокие темпы развития с помощью "подстегивания" бюрократических кадров. С 50-х гг. усиливалось расслоение в правящем классе, формировались отдельные устойчивые территориальные, отраслевые и функциональные группы интересов, которые чем дальше, тем меньше связывали свое благополучие с интересами системы в целом. Этот процесс стал одной из причин так называемой "десталинизации" конца 50-х - начала 60-х гг., которая, в свою очередь, способствовала окончательной утрате номенклатурой и технократией своей былой монолитности. Постепенно властные структуры приобретали характер, при котором тоталитарные черты и элементы сочетались с авторитарно-клановыми.

Другой причиной смягчения тоталитарных режимов в СССР и в странах "народной демократии" было растущее социальное давление снизу. Недовольство порождалось конкретными причинами: презрением правящей бюрократии к жизненным потребностям людей и колоссальным уровнем эксплуатации труда. В советской экономике чем дальше, тем больше сказывались хозяйственные диспропорции. Основной целью индустриализации было обеспечение военно-политического могущества, основные средства и силы направлялись на создание

мощного военно-промышленного комплекса. Напротив, та часть промышленности, которая должна была удовлетворять потребности населения, оставалась громоздкой, негибкой, оснащенной устаревшим оборудованием и неспособной реагировать на реальные нужды потребителей.

В 50-х гг. по государствам "Советского блока" прокатилась волна выступлений против беспощадной эксплуатации трудящихся города и деревни: сверхвысоких норм выработки, низкой оплаты труда, бесчеловечных условий труда. Восстания в лагерях в СССР в начале 50-х гг. побудили режим КПСС отказаться от стратегии массового использования принудительного неоплаченного труда. Однако масса освобожденных заключенных, включившись в "нормальную" жизнь с ее потребностями, только усилила груз социальных проблем. Рабочие стачки и восстания 1962 г. (наиболее известное - в Новочеркасске) стали симптомом роста социальной напряженности. Восстания в ГДР (1953 г.), Венгрии (1956 г.) и Польше (1956 г.) вынудили осуществить ряд политических и экономических реформ в странах "народной демократии".

Известной социальной стабилизации в СССР властям удалось добиться только при режиме Л.Брежнев (1964-1982 гг.) и современных ему правительствах в государствах "Советского лагеря". Она поддерживалась не только за счет раздутого политического ажиотажа противостояния "Восточного" и "Западного" блока, но и, в первую очередь, благодаря средствам, полученным от экспорта нефти и другого сырья, а также займам, предоставленным развитыми капиталистическими странами и зарубежными финансовыми институтами. Такие вливания позволили как сдерживать на время противоречия между различными группировками и фракциями номенклатуры, так и создать специфический советский вариант "социального государства" с его системой бесплатных общественных услуг (в области здравоохранения, образования, обеспечения по старости), регулируемых и субсидируемых цен на потребительские товары и т.д. Трудящиеся фактически имели эффективные возможности сопротивляться давлению администрации, направленному на увеличение норм выработки. Однако под спудом стабильности и "застоя" продолжали накапливаться неразрешимые проблемы. Бюрократические структуры управления экономикой все больше вступали в противоречие с нуждами технологического развития. Нарастало техническое отставание от западных конкурентов. Индустрия СССР в целом (несмотря на бурный прогресс в отдельных областях) так и не вышла за рамки "примитивного тейлоризма": в конце 80-х гг. 36% занятых в промышленности (9 млн. человек) должны были выполнять чисто ручную работу, а общее количество

немеханизированных рабочих мест в хозяйстве СССР достигало 50 млн. На новый технологический рывок, связанный с автоматизацией, компьютерами и информатикой, СССР оказался уже не способен. Модернизационный потенциал советской модели был исчерпан.

В 80-е гг. падение мировых цен на нефть, усиление гонки вооружений и уменьшение доходности экономики "реального социализма" (а следовательно, ресурсов для дальнейшего роста могущества и доходов бюрократии как целого) знаменовали общий кризис прежнего метода господства. Часть номенклатуры сочла, что советский вариант "социального государства" стоит слишком дорого, что необходимо модернизировать и интенсифицировать хозяйство, чтобы снова превратить его в надежный источник собственных привилегий. Отдельные номенклатурные группировки вступили в острую борьбу между собой за раздел прежде совокупной государственной собственности ("корпорации СССР") и передел власти. Поскольку такие преобразования были немыслимы без разрушения социальных гарантий и наступления на уровень жизни трудящихся, осуществить их в рамках прежней модели и идеологии не удавалось. Поэтому часть бюрократии окончательно отказалась от марксистско-ленинской фразеологии и с помощью обещаний демократизации подчинила себе массовые социальные движения (рабочее, экологическое, территориальных гражданских инициатив), из которых могла вырасти самоуправленческая альтернатива. Соединившись со структурами "теневой экономики", она перешла к новым, менее элитарным, более косвенным и "демократическим" системам господства, которые в большей мере соответствовали уровню развитого индустриального общества. Такого же рода перемены произошли в странах Восточной Европы.

В результате развала СССР и всего "Советского блока" сформировались посттоталитарные режимы, спектр которых простирается от авторитарных систем с демократическим фасадом до представительно-демократических устройств западного типа. Вслед за падением лагеря "реального социализма" последовал отказ от подобного образца государственного строя и в большинстве стран "Третьего мира".

Проблемы свержения или демонтажа тоталитарных режимов

Опыт XX века свидетельствует о возможности по меньшей мере трех моделей развития событий, ведущих к краху тоталитарных режимов. Это: во-первых, их свержение в результате народного восстания (революции) внутри страны; во-вторых, падение в результате внешнеполитического поражения или давления либо в итоге военного разгрома; в-третьих, в ходе их постепенного внутреннего разложения. В исторической реальности чаще всего наблюдалось смешение всех трех путей и сценариев, которые можно поэтому рассматривать как своего рода "идеально-типические" варианты.

Наиболее явственно элементы развития первого типа прослеживаются на примере Венгерской революции 1956 г. В ходе ее тоталитарный режим советского типа был свергнут, сформировано правительство, ориентированное на систему представительной демократии, а реальная гегемония перешла в руки органов рабочего и территориального самоуправления - рабочих и революционных Советов¹⁰³. Однопартийная диктатура компартии была восстановлена только путем вооруженной интервенции СССР. События в Венгрии служат ярким доказательством принципиальной возможности революционного низвержения тоталитаризма.

Следует отметить, что революционные народные движения возникали и в других тоталитарных государствах (в ГДР в 1953 г., в Польше в 1956, 1970 и 1980-1981 гг. и т.д.), но им не удавалось добиться падения режимов: они были либо подавлены силой, либо интегрированы частью правящего номенклатурного класса. Известны случаи, когда народные движения против тоталитарного господства использовались как прикрытие для государственного переворота со стороны "реформистской" части номенклатуры (в Румынии в 1989 г.) или как вспомогательное средство для военного разгрома режима внешними силами (в Италии в конце Второй мировой войны).

Классическим примером падения тоталитарной власти в результате военного разгрома следует считать, безусловно, крах национал-социализма в Германии в итоге Второй мировой войны. Среди исследователей широко распространен тезис о том, что "мало шансов оставалось в условиях национал-социалистической диктатуры на успешное восстание в самой Германии", что "свержение господства Гитлера с помощью изолированного восстания снизу было невозможно". В качестве обоснования такого мнения ссылаются на эффективность контроля над населением со стороны нацистской системы, на низкий уровень сопротивления в Германии, на пассивность большинства немецкого народа к концу войны и т.д. Все это заставляет поставить вопрос о том, насколько вообще возможно свержение

эффективного тоталитарного режима изнутри.

Тоталитарная система господства предполагает наличие тотального контроля власти над обществом с помощью сочетания индоктринирования масс и искоренения любой почвы для появления оппозиции. В теоретической, "идеальной" модели тоталитаризма, действительно, никакой протест невозможен, просто потому, что у полностью "переформированных" и запрограммированных с помощью господствующей идеологии людей не могла бы возникнуть даже сама мысль о том, что "что-то не так". К счастью для современников, ни одна власть в XX веке не обладала настолько совершенными методами, механизмами и техническими средствами воздействия на умы и сердца, чтобы добиться такого результата. Не были исключением и национал-социалистический режим Гитлера, и сталинская диктатура. Как в СССР, так и в Германии возникали подпольные группы, хотя бы у части людей сохранялось недовольство существующим положением, а невозможность открытого протеста и сопротивления приводила к широкому распространению пассивного уклонения от труда на благо системы, элементов сознательного или чаще даже неосознанного саботажа. Такие настроения росли и распространялись по мере усиления внутри- и внешнеполитического кризиса тоталитарного режима и, как показывает история СССР, время от времени выливались в открытые бунты и восстания. К 1945 г., после тягот военной катастрофы, голода и страданий, большинство жителей Германии уже не питало и не могло никаких симпатий к нацистскому режиму и проявляло такое отношение в самых разных формах. Не случайно почти все влиятельные политические силы в послевоенной Германии вынуждены были говорить о социализме, чтобы получить поддержку в немецком обществе, хорошо понимавшим, что только радикальное социальное переустройство может искоренить основы фашизма. К сожалению, говоря словами философа Кьеркегора, "реальное - это уничтоженное возможное". Мы никогда не узнаем, могла ли закончиться Вторая мировая война "новым 1918 годом", если бы затянулась еще на какое-то время.

Державы антигитлеровской коалиции "никогда не вели войну против фашизма.. Их военные действия служили двойной цели: с одной стороны, - империалистического передела и переустройства мира, с другой, - сдерживания любой тенденции к социальной революции в Европе. Первая мировая война... привела к широкой волне революционных движений. Все государственные власти - и прежде всего нацисты - извлекли из этого урок: никогда больше не допустить повторения "ноября 1918 г.", превращения империалистической войны в социальную революцию!" - замечал современный немецкий публицист М.Райнлендер. Осуществлявшиеся союзниками и

направленные против мирного населения "массовые бомбардировки физически и психологически готовили то, чему после 1945 г. предстояло стать практикой оккупации: тотальное удушение любой самостоятельной политической инициативы освобождения на территории Германии... Союзники - как на Западе, так и на Востоке - в практике оккупации продемонстрировали, что они стремятся с самого начала воспрепятствовать любой самостоятельной социалистической альтернативе".

Идея и политика антифашистского национального единства, которая преобладала в войне против Гитлера и Муссолини и в движении Сопротивления, помешала социальному перевороту в Европе и, тем самым, реализации самоуправленческой альтернативы, предложенной леворадикально-интернационалистским крылом борьбы с фашистским и сталинистским тоталитаризмами. В итоге победители навязали очищенной от наци-фашизма Европе свои модели государственного устройства: представительную демократию в Западной Германии (где еще в течении ряда лет правительство управляло с помощью авторитарных методов) и советский тип тоталитарной власти в Восточной части континента.

Нельзя отрицать роль "внешних" факторов и в процессе перехода от тоталитарных режимов к системам представительной демократии в Испании, Португалии, Восточной Европе и в СССР. Но здесь они сыграли косвенную роль. С одной стороны, часть правящих элит этих государств стремилась интегрироваться в мировую экономическую систему и занять в ней конкурентоспособное положение. С другой, финансовая и - как следствие - экономическая зависимость от западных держав и мировых рынков ослабляла монолитность режимов, уже переживавших внутреннюю эрозию и совершавших постепенную эволюцию к авторитаризму.

Вывод

И все же в большинстве случаев тоталитарные системы власти рушились в результате постепенных процессов демонтажа изнутри, которые осуществлялись частью правящих классов, не удовлетворенных прежними методами своего господства. Отказ от прежних политических форм мог при этом происходить внешне резко и драматично (так называемые "бархатные революции" в странах Восточной Европы, события августа 1991 г. в СССР), даже под давлением "снизу", но ход событий в целом нельзя считать революционным. Он все время оставался под контролем одного и того же правящего класса; власть переходила от одной

его группировки к другой, механизмы господства изменялись "сверху", а социальные движения использовались "демократическим" крылом этого класса для отстранения "консервативных" конкурентов и маргинализировались. Альтернативные, самоуправленческие тенденции были быстро нейтрализованы и не смогли наложить на развитие событий свой отпечаток. В результате на место однопартийных диктатур пришли структуры многопартийной демократии. В некоторых странах (прежде всего, в бывшем СССР) они сохраняют сильные авторитарные черты: жесткую президентскую власть, правительства, не зависящие от воли парламентов, назначение из центра глав местных администраций, разгон неугодных парламентов, преследование национальных меньшинств и т.д. Принципы парламентской демократии распространяются в таких случаях, в первую очередь, на сферу формального государственного устройства.

Список использованной литературы

1. https://dom-knig.com/read_336197-19
2. https://revolution.allbest.ru/political/00376271_0.html
3. Бланк А С Из истории фашизма в Германии. М. 1978. Бровко Л Н Церковь и Третий рейх // Новая и новейшая история. 1991, "4
4. В центре паутины. М, 1998.
5. Вторая мировая война 1939-1945: В 12 т. М, 1973-1979.
6. Галкин А А Германский фашизм. М. 1989.
7. Гротов Г Герман Геринг - маршал рейха. Смоленск, 1998.
8. Грюнберг К Гитлер. СС - черная гвардия Гитлера. М. 1995
9. дней на посту главы государства // Новая и новейшая история. 1991. - 6.
10. Дугина А Основы геополитики. М. 1997. ДедарюЖ История гестапо. Смоленск, 1993.
11. Линденберг К Технология зла, К истории становления национал-социализма. М. 1997.
12. Люнев Р. Адольф Гитлер: легитимный путь к власти // Российская Федерация. 1994. Xs 8.
13. Нюрбергский процесс. Сборник материалов: В 8 т. М. 1987-1999.
14. Пяенков О. Ю. Мифы нации против мифов демократии. СПб. 1997.
15. Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1985.
16. Пруссаков В. А. Окульный миссия и его рейх, М. 1992.
17. Райх В. Психология масс и фашизм. СПб. 1997.
18. Розеибург А. Миф XX века // 1993, "314.

19. Руге В. Гинденбург. М. 1981.
20. Штурм власти. М. 1998.
21. Яровой А. Ф. Ставка Гитлера, М. 1992.